

АНТОЛОГИЯ ЖОЖЕКИЙСКИХ РАССКАЗОВ ЗА 2025 ГОД

АНТОЖЖ 2025

Жожеки Жожеки
АнтоЖОЖ 2025

https://litres.ru/73805047
SelfPub; 2026

Аннотация

Антология отборных рассказов жожекийских конкурсов за 2025 года, включая несколько рассказов из конкурсов 2024 года.

Лучшие работы, которыми жожекийское общество действительно гордится. От фантастики до фэнтези, от драмы до юмора – в антологии встретятся любые жанры. Но все – лучшие.

Содержание

Самое тихое лето	4
Сын плотника	29
Юра, прости нас!	34
Сказ об Иваре, Милораде и темном двоедушнике	50
Искушение состраданием	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

АнтоЖОЖ 2025

Антология рассказов жожекийских конкурсов за 2025 год.

Самое тихое лето

Дом, в котором Кристине Верховцевой предстояло жить три летних месяца, дышал на ладан: в одних окнах не хватало стёкол, в других прогнили рамы, крыша провалилась посередине, и всё здание задумчиво накренилось, угрожая одичавшему яблоневому саду. Тем не менее, дом был обитаем и имел владелицу.

– Я Наталья Дмитриевна! – маленькая щуплая старушка в выцветшем комбинезоне выскочила из сада навстречу Кристине. – Вы ведь Верховцева? Из отдела борьбы с духами?

– Всё верно, – ответила Кристина.

– Я вас старше представляла, – Наталья Дмитриевна сложила руки в замочек и склонила голову. – Документы при вас, деточка?

Кристина коротко кивнула и протянула старушке «корочку».

– Чудно, чудно! – Наталья Дмитриевна заулыбалась. – Пойдёмте, я провожу вас! Комнатка только угловая осталась, там немножко дует, ну да летом не страшно, кровать хоро-

шая, мебель ещё дед мой делал, восемьдесят лет простояла и ещё столько же простоит, не то, что сейчас, из опилок. А вот ещё садик мой, да вы проходите, только не запнитесь, тут кирпичик!

Кристина запнулась. Наталья Дмитриевна журчала ручейком и двигалась так же ловко, обходя битые кирпичи, старые горшки, лопату, грабли и бог весть что ещё, наваленное на дорожке к дому. Экскурсия по саду продлилась полчаса, Кристине показали внука Яшу, робкого парня лет двадцати, пять яблонь и чахлую вишенку, забор, который ставил дядя Вася, ворота, которые ставил покойный дед… Когда девушка оказалась в своей комнате, ей захотелось просто упасть и заснуть.

– День первый, – пробормотала она, вдыхая запах чистого белья и старого дерева. – Знакомство.

Все жильцы, кроме Яши, были ещё на работе, и Кристина воспользовалась этим, чтобы разведать территорию. Её комната находилась на втором этаже, в тёмный коридор выходило ещё три двери. Незапертые, но Кристина не стала заглядывать. Вниз вела скрипучая деревянная лесенка, больше похожая на чердачную, а на первом этаже расположились столовая, комната Натальи Дмитриевны, кухня и совмещённый санузел со старомодным бачком с цепочкой. Кристина потянула за неё и отшатнулась, когда вода с утробным рёвом ринулась вниз.

– Мой брат ставил! Ещё при Сталине! Сантехник был от

бога, земля ему пухом! – крикнула Наталья Дмитриевна из глубин дома.

– Мощная вещь! – отозвалась Кристина.

– Скажите, – в дом заглянул Яша. – Вы призраков ловите?

– Учитываю и при необходимости изгоняю, – поправила девушка.

– За нашим пришли? – тихо-тихо спросил Яша.

– Вообще-то, запрос в наш отдел поступил из администрации кладбища, – Кристина нахмурилась, – А что ещё за ваш?..

– Да показалось внучку, – Наталья Дмитриевна подкралась, как тать, и выросла, будто из стены. – В уборную ночью шёл, да со сна и придумал чертовщину!

– Не хочу опять с тобой спорить, бабуля, – вспыхнул Яша. – Но при сотруднике *такого* отдела сочинять права не имею!

– Так ты ж ещё на той неделе сочинил, – поддела Наталья Дмитриевна.

Яша замахал руками и выбежал на улицу.

– Нервный какой, – покачала головой любящая бабушка. – Эзотерику читает дурацкую, лучше б учебник логики почитал! Раз уж в школе не научили… Как вам комнатка, деточка?

– Хорошая, – коротко сказала Кристина. – Светлая.

Наталья Дмитриевна радостно потёрла руки и снова исчезла, судя по звяканью – на кухню.

Кристина работала в отделе уже шесть лет и привыкла к

тому, что людям очень часто *чудятся* призраки. Они чудились им в те времена, когда в призраков не верили, и продолжали чудиться, когда существование духов официально подтвердилось. Поэтому верить Яше на слово было нельзя.

– Посмотрим-поглядим, – нараспев произнесла Кристина и пошла уточнять у хозяйки, где находится кладбище.

***

Июнь к лицу любому городу, особенно такому крохотному, как Зареченск. Возвращаясь с местного кладбища, Кристина с удовольствием нюхала сирень, сфотографировала пару утопающих в яблоневом цвету домиков, сорвала одуванчик и сунула за ухо. К вечеру стало совсем тихо, только вскрикивали ласточки да журчала набираемая из колонки вода.

Дом Натальи Дмитриевны оживился тёплым светом окон и казался не такой уж и развалюхой. Кристина сфотографировала и его и хотела было войти, как дверь распахнулась.

– Привет, – Кристина неловко отскочила.

– Вечер добрый, бл.., – хмурый парень с сигаретой в зубах прошлёпал по крыльцу резиновыми тапками и свернул в сад.

– И вам не хворать, – едко срифмовала Кристина.

Столовая была полна народу. Щебет Натальи Дмитриевны доносился то из одного, то из другого угла, огромный парень с лицом растерянного ребёнка тащил самовар, Яша что-то втолковывал хрупкой девице с венком на голове, а другая девушка деловито расставляла приборы, смахивая салфеткой

пылинки.

– Здравствуйте! – громко сказала Кристина.

– Деточка, вернулась! – умилилась старушка. – Ребятки, это ваша новая соседка, Кристиночка! Между прочим, служащая ОБД!

– Леонид, – крупный парень первым подал Кристине горячую от самовара руку – Можно Лелик.

– Тихона, – девушка, занятая приборами, лишь строго кивнула.

– Она же Тиша, – подсказал Яша.

– А я Валечка, – девица с венком подскочила к Кристине и заключила её во внезапные объятия. – Ах, от вас так вкусно пахнет цветами!

– Спасибо, – растерялась Кристина.

– Вы знаете, я чую людей, – прошептала Валечка. – От хороших и пахнет хорошо, будто цветы, булочки или что-то лесное…а вот плохие смердят. Поверьте, я не ошибаюсь.

Кристине захотелось закурить.

– Интересно, а чем пахнет тот грубиян, что только что вышел из дома? – не удержалась она.

– Процессор пахнет пивом, – гыгыкнул Яша.

– Это имя такое? – уточнила Кристина.

– Он Ярослав, но его со студенчества зовут Процессором, – Лелик развёл руками. – Он вам нахамил? Не берите в голову, он хамит даже своим тапкам. А так человек неплохой.

– Человек красен делом, а не словом, – наставительно до-

бавила Валечка.

Кристина хмыкнула.

Процессор был не просто хам. Он был местами зануда, местами разгильдяй с россыпью вредных привычек. Вечером Кристина его не дождалась, ушла спать, а вот утром в столовой они познакомились как следует.

– Наталья Дмитриевна разрешает курить в доме? – спросила девушка, разглядывая Процессора. Тот смотрелся дивно: волосы рассыпались по спинке кресла, взор устремлён в окно, одна рука удерживала кружку с кофе, вторая – мятую беломорину. Ноги, задранные на стол, довершали образ.

– Я открыл окно, – не поворачивая головы, ответил Процессор.

Кристина пожала плечами и тоже достала сигареты.

– Ну и дрянь же ты куришь, – тут же сказал парень.

Кристина затянулась, выдохнула в окно и спросила:

– Давно здесь живёшь?

– Это имеет значение?

– Просто интересно, – Кристина представила, что перед ней не хамоватый сосед, а особо плотная духовная сущность. Надо её опросить, классифицировать и, по итогам взаимодействия, либо оставить в покое, либо… впрочем, Кристина надеялась, что Процессор не выведет её из себя настолько.

Сосед будто почуял угрозу и ответил почти мирно:

– Три года. С Леликом приехал, он мой старый друг.

– Ничего не беспокоит?

– Отопление полупечное, водопровод бузит, в дождь и снег с потолка капает, – мигом ответил Процессор. – Весь подвал забит банками, окна сто лет не мылись. Зато дёшево, и до города рукой подать, двадцать минут на маршрутке.

– И зелени больше, – поддакнула девушка.

– Я урбанист, – закатил глаза Процессор. – Но жизнь не щадит. Я аллергик, врачи рекомендовали больше времени проводить за городом…

Понаблюдав, как аллергик выкуривает подряд три папиросы, Кристина попрощалась и покинула затянутую сизым дымом столовую.

***

Кладбищенская работа не отнимала много сил. Кристина обошла все надгробия, помечая в блокноте те, около которых работники видели странных сущностей, внесла парочку подозрительных и скоротала остаток рабочего дня в архиве и с ноутбуком, выясняя данные о покойниках. Кладбище было старое, заросшее огромными деревьями, в кронах которых звенели птичьи трели. Кристина умиротворённо глядела на старинные памятники и потягивала чай. Не работа, а каникулы.

– Тишина у вас, – сказала она пожилому дворнику, севшему на крыльцо покурить.

– Благодать! – согласился он. – Да и сам город тихий…Однажды только парни приезжие напились, на кладбище пришли и в могилу провалились. Во-о-он в ту, с книгой, на окра-

ине. Там ключ подземный, земля раскисает по весне. Но обошлось. Натоптали только и шуму наделали.

– Интересное надгробие.

– Там писатель-фантаст похоронен, такой человек был! – дворник покачал головой. – Я его застал, старым, правда, совсем, под сотню уже было. Он даже книгу мне подписал. Вот такой человек был!

Он развёл руками, будто стремясь объять необъятное.

Кристина подумала, что в её блокноте этой могилы нет, а значит, писатель не обиделся на пьяный молодняк, потревоживший его покой.

– А после той пьянки дух его пропал, – пригорюнился дворник, будто мысли подслушал. – Я иногда видел его, даже беседовал…Он жизнь-то какую прожил, при царе родился, в Гражданскую мальчишкой воевал. И фантазёр был знатный.

– Странно, – нахмурилась Кристина. – Не припоминаю таких случаев. Уверены, что пропал?

– Вот те крест! – дворник размашисто перекрестился, почему-то большим пальцем. – То я его каждую неделю встречал, а теперь хожу-хожу – нету! Развеялся, наверное.

Девушка побарабанила пальцами по чашке. В этом городе становилось всё интереснее.

***

Утро того самого дня началось с душераздирающего воя. Кристину подбросило на кровати; из комнаты она выбежала в полной уверенности, что кто-то из соседей умирает в му-

чениях.

В коридоре она столкнулась с безумным на вид Яшей.

– Что это?! – выкрикнули они одновременно.

Вой набрал силу. По спине Кристины побежали мурашки.

– С улицы кричат, – слабым голосом заметил Яша, и они одновременно рванулись к лестнице.

На дворе было прохладно, солнце ещё не успело нагреть землю. Вой плыл по спящей, будто вымершей, улице.

В доме с грохотом распахнулась дверь.

– Вашу ж мать! – заревел Процессор.

– Это всё собачка, собачка! – залепетала Наталья Дмитриевна, робко выходя из комнаты.

– Какая ещё собачка?!

– Сосед, Витя, собачку завёл. Она и орёт. Порода такая, лаять и не умеет почти. Он мне вчера рассказал.

– Да чтоб ему провалиться, вашему Вите и его поганой собаке! – Процессор прошлёпал босыми ногами в кухню.

Вой внезапно прекратился. Из дома напротив вышел худой мужчина с мохнатой хаски на поводке.

Кристина невольно засмеялась. Яша вторил ей, и скоро они хохотали в голос.

– Малахольные, – припечатал их Процессор. – И зачем я сюда из Питера вернулся? Тишины и покоя захотел, дурак!

Его не было в Зареченске две недели, и в столовой почти перестало пахнуть табаком.

– Шесть утра, чёрт его дери! – бубнил Процессор, ставя

чайник. – Суббота! Я десять дней носился по всему городу в мыле, но мне всё равно не дают поспать!

– Иди да ляг обратно, – предложил Яша. Процессор посмотрел на него, как на идиота:

– Если я лягу, то просплю до полудня и буду плохо себя чувствовать!

Яша промолчал.

– Это кофе? – Процессор сунул нос в банку и расчихался.

– Растворимый.

– Вот гадость! – воскликнул Процессор. – Другого нет? Жаль. Придётся это пить…

– Ты налил воды на всех? – спросила Кристина.

– Я просто налил, – парень тёр виски и морщился. – Посмотри, если надо.

Кристина закатила глаза, но послушалась.

– Ярослав! – крикнула она. – Тут вообще нет воды!

– Что?!

Процессор прибежал и уставился в абсолютно пустой чайник.

– Я же помню, как наливал! – сказал он. – Ещё Тишкину страшную чашку в раковине задел.

Он схватил чайник и под Кристинин вопль «Он же горячий, не надо!» сунул под кран. Раздалось шипение и повалил густой пар, на миг скрывший парня.

– Идиот, – тихо сказал Яша.

Кашляя и протирая глаза, Процессор поставил полный

чайник на конфорку и заявил:

– Всё за вас приходится делать!

– И как мы без тебя жили? – отбился Яша.

Процессор фыркнул, сел за стол и вытащил пачку «Беломора».

– Ах ты ж чёрт! – взвыл он.

Яша вскочил, опрокидывая стул. Из пустой пачки разбегались пауки, тёмными ручейками испещрив белую кружевную скатерть. Последним вылез огромный крестовик и побежал к Процессору.

Ругань и крики наконец разбудили остальных, в столовую вошла Тиша в пижаме.

– Процессор, ты совсем потерял совесть, да? – спросила она, подбоченившись.

– Здесь грёбанные пауки! – у Процессора дрожали руки.

– Подумаешь! – Тиша чеканным шагом подошла к столу, взяла крестовика и выпустила в окно. – Напугал бедняжек своими криками.

– Ни капли сочувствия, – Процессор жестом попросил у Кристины сигарету и закурил, ссутулившись у окна.

Надрывно засвистел чайник. Кристина несколько раз проверила – вода была на месте. Но подозрительное чувство её не отпускало.

– Ребята, мы с вами платим совсем немного за жильё, поэтому должны помогать Наталье Дмитриевне, – тоном строгой учительницы сказала Тиша, когда все кончили завтра-

кать. – Предлагаю поделиться на несколько групп. Яша и Валя займутся садом…

– А где написано, что я должен? – подал голос Процессор.

– Захлопнись, – велела Тиша.

– Я крышей могу заняться. – застенчиво сказал Лелик.

– Новых дырок в ней наделаешь? – хихикнул Процессор и ловко увернулся от брошенной Тишей газеты.

– Я собираюсь мыть окна, кто из вас мне поможет? – свирепо спросила Тихона.

– Я помогу, – Кристина помахала рукой.

– Отлично. Процессор, на тебе подвал. Надо вынести хлам и разложить по категориям.

– То есть ты меня, человека с аллергией и уставшего, как собака, отправляешь таскать тяжести? – уточнил Процессор.

– Мы к тебе потом придём и поможем, – успокоила его Тиша. – Ты хотя бы начни.

Парень глянул угрюмо, но не посмел спорить.

Закипела работа. В саду Яша спиливал отмершие ветви, а Валя собирала раскиданные то тут, то там горшки, инструменты и прочие вещи. Лелик повозился на крыше, исписал полблокнота, позвонил кому-то, и через полчаса принял с подъехавшего грузовичка охапку досок. Процессор исчез в подвале.

Кристина приволокла в комнату ведро. Окна были двойными, в пыли, паутине и с залежами дохлых мух между рамами. Как они туда попадали – оставалось лишь гадать, по-

тому что щелей и дыр Кристина не увидела. Вода в ведре стала чёрной уже после первого окна, и девушка потащила его вниз.

Внезапно из подвала донёсся вопль, не уступающий утреннему.

– Эй, что случилось? – крикнул с крыши Лелик. Кристина уже нырнула в подвал, держа наготове походную мини-аптечку и перцовку – на всякий случай.

– Процессор, ты живой? – спросила она, осторожно обходя наваленные кучи хлама.

– Кто это? – сипло спросили откуда-то из темноты. – Крися?

– Чего орал-то? – Кристина включила фонарь и направила луч света в сторону Процессора. Тот сидел, скрючившись между корзинами и огромной бутылью.

– Меня кто-то схватил, – сказал он.

– Задел что-то, вот и показалось, – сердито предположила Кристина.

– Нет. Это были руки. По жопе шлёпнули, и в ухо кто-то как зашепчет… – Процессора передёрнуло. – Вытащи меня отсюда!

– А сам не можешь?

– Я застрял.

Кристина молча оттащила в сторону бутыль, и Процессор на четвереньках пополз к выходу.

– Я сюда ни ногой больше! – сказал он. – И Тиша меня

не заставит!

– Тогда иди мой окно! – дверной проём перегородил Тишин силуэт.

– Да пожалуйста! – заорал Процессор. – Думаешь, не умею?

– Думаю, что ты редкое трепло, – Тиша помогла ему встать. – Почему ты весь в пыли?

Тот принялся жаловаться на неведомые руки, а Кристина обошла подвал, включив датчик призрачной активности. Он тихонько запищал, что означало: сейчас призрака тут нет, но ещё недавно был.

– Здесь кто-то умирал? – спросила она, заходя к Наталье Дмитриевне.

– Деточка, этому дому уже сто пятнадцать лет, – всплеснула руками Наталья Дмитриевна. – Три войны пережил! Кто тут только не мёр, я всех и не знаю.

Выйдя в сад, Кристина подошла к Яше, оседлавшему яблоню, и попросила:

– Расскажи мне о твоём призраке.

– Прямо сейчас? – Яша опустил пилу. – Ладно. Да и рассказывать-то нечего. Шёл в уборную ночью, и почувствовал, будто сзади кто-то идёт. Остановился, и тут меня кто-то ка-а-ак схватит за задницу! Извините. Я еле сдержался, чтоб не заорать, не хотел бабулю будить. Обернулся – никого.

– Когда это случилось?

– Где-то за неделю до вашего приезда.

– Хм, – сказала Кристина.

– Мне точно не показалось, – тихо сказал Яша. – Да и некому было такие шутки проворачивать.

– Даже Процессору? – подняла бровь Кристина.

– Он ложится поздно и спит как убитый. Вставать-то рано на работу.

Кристина задумалась. Вернувшись к мытью окон, она пришла к выводу, что либо Яше и Процессору надо лучше высыпаться, либо в доме завёлся не просто призрак, а материально-активный, то есть– способный воздействовать на предметы. С таким она сталкивалась лишь на пятом курсе во время практики, но с ней был куратор, быстро утихомиривший буйного духа. Видно, пришла пора ей стать чуточку опытней.

В час дня устроили перерыв на обед. Процессор отошёл от подвального ужаса и принял прежнюю хамскую ипостась, назвав сваренную Тишей гречку отравой.

– Ты её не промыла как следует!

– Я промыла её нор-маль-но, – сквозь зубы ответила Тиша. – Но можешь не есть, нам больше достанется.

Процессор гордо ушёл на кухню, а наработавшиеся за утро ребята набросились на гречку.

– Кто бы мог подумать, что простая каша такая вкусная! – воскликнула Валя, жмурясь от удовольствия. Очередной венок на её голове топорщился во все стороны листьями крапивы.

– Сделал работу, поешь в охоту, – Лелик степенно отправлял в рот ложку за ложкой. – Батя мой так говорит.

– Придётся нам всем после обеда заняться подвалом, – озабоченно проговорила Тиша. – Процессор выбывает.

– А кто-нибудь из вас сталкивался в этом доме с чем-то необычным? – внезапно спросила Кристина. – Яша, можешь не отвечать.

– Нет, – ответила Тиша. Лелик порозовел, но покачал головой, а Валя сказала:

– Я порой чувствую чужой запах. Странный. Как будто в старую библиотеку зашёл, где никто никогда не делал уборку.

– По-моему, – буркнул Лелик, – тут всё так пахнет.

– Потому что прибираться надо! – Тиша подняла указательный палец.

– Ребят, откройте форточку, душновато стало! – ухмыляющийся Процессор заглянул в столовую. – Как дела, кашееды?

– Ты подобрел, – заметил Яша.

– Мясо жарю, – сказал Процессор. – Будет почти стейк.

Валя вдруг вскочила и тоненько закричала:

– Горит!

Процессор метнулся обратно на кухню. Из-за двери потянуло горелым, показались щупальца чёрного дыма.

– Огнетушитель где?!

– Процессор, идиот!

– Пропало мясо, – грустно сказала Валя и, как ни в чём не бывало, вернулась к каше.

Огнетушитель не понадобился. Громко матерящийся Процессор сунул полыхающую сковороду в тазик с замоченными носками, обвёл всех диким взглядом и прошипел:

– Чья идиотская шутка? Кто вывернул газ на полную?

– Не неси чушь, мы были в столовой, – возмутился Яша.

Процессор посмотрел на обугленный кусок мяса, плавающий среди носков, и воскликнул с горечью:

– Да что ж за день такой! Вокруг одни п…ры и полный хаос!

Схватив Кристинины сигареты, он выбежал прочь.

– Вот как так получается? – Тиша смотрела вслед Процессору и качала головой. – Сковородку сжёг он, а п…ры почему-то все остальные… А готовить теперь на чём?!

– Будем есть варёное, – Яша даже в самом паршивой ситуации видел луч света. – Так даже полезнее!

Во время послеобеденной работы в подвале никого не щипали и не хватали. Процессор так и не вышел из комнаты.

***

Поздно вечером Кристина, писавшая отчёт, вдруг заметила, что все разошлись спать. Осталась лишь Наталья Дмитриевна, которая сидела в старом кресле и увлечённо читала книгу.

Кристина потянулась, помолчала и спросила:

– Что вы читаете, Наталья Дмитриевна?

Старушка вздрогнула и широко улыбнулась:

– Это «Ночь с суккубом» Валерьяна Дикого. Скабрёзная местами, но захватывает!

– Не слышала о таком писателе.

– Это наш зареченский фантаст, – Наталья Дмитриевна подняла указательный палец. – Я его почти всю жизнь знала, у меня и книга с автографом… Посмотри, деточка!

Кристина посмотрела и прочитала:

– «Нежной кошечке Наташечке с любовью!»

Наталья Дмитриевна покраснела.

– Он так красиво ухаживал, дарил цветы, – она погладила книгу. – Но я держалась стойко! Я же была замужняя дама!

Старушка глянула на часы и ахнула:

– Деточка, как поздно! Пора баиньки, пора. Возьми книгу, почитай, она очень интересная! Пара игривых сцен тебя не смутит, ты девушка взрослая.

Наталья Дмитриевна лебёдушкой скользнула в комнату, мурлыкая под нос романсы. Кристина проводила её взглядом и отправилась к себе, зажав «Ночь с суккубом» подмышкой.

Насчёт пары игривых сцен Наталья Дмитриевна слукавила. Кристина, до этого видевшая лишь сладкие до тошноты постельные игрища в дамских романах и подростковую сопливую порнографию, была вынуждена открыть окно, потому что в комнате стало жарковато. Неизвестный ей Валерьян Дикий писал хорошо, местами очень чувственно.

Где-то на середине книги Кристину будто кольнуло. Суккуб – страстная леди невероятной красоты – оказалась ещё и озорницей. За отказ провести с ней очередную ночь она начала пугать любовника, хватая его в темноте за…

– Да не может быть, – пробормотала девушка.

В ночи раздался крик. Сначала дремлющая Кристина подумала на соседскую собаку, но к крику присоединился второй, потом третий. Лампочка в настольной лампе загудела, а потом взорвалась, усыпав «Ночь с суккубом» осколками.

– Ах ты ж чёрт, – пробормотала девушка. Из коридора донеслись похожие хлопки, а следом взвизг Тиши.

Кристина достала из шкафа призрачный глушитель, выставила на среднюю мощность и вышла из комнаты, хрустя осколками лампочек.

У крайней двери столпились соседи, освещаемые свечой. Лелик сосредоточенно выбивал дверь, из-за которой доносились вопли Процессора.

– Что с ним делают?! – охнула Тиша.

– Кажется, пытают, – сказал Яша и зевнул.

Тиша уронила свечу, а Лелик побледнел и вынес створку одним ударом. Войти ему не дала Кристина.

– Отойди, – коротко велела она, влетела в комнату, отметила краем глаза тёмную тень и нажала на гашетку.

Стены озарило синим призрачным светом, раздался возмущённый вскрик, и сквозь Кристину пронеслось полупрозрачное нечто, обдав запахом одеколона Шипр и коньяка.

– Свят, свят, свят! – запричитала позади Наталья Дмитриевна. Ребята скопом ворвались в комнату, едва не застряли в проходе и уставились на Процессора.

– Ярослав, ты как? – спросила Тиша слабым голосом.

– Жопой об косяк! – крикнул Процессор. – Чего вы встали, развяжите меня!

Его руки и ноги были крепко связаны бельевой верёвкой.

– Что оно с тобой сделало? – спросил Лелик.

Процессор передёрнулся:

– Меня щекотали! *Щекотали*! А вас где носило? Хороши друзья!

– Валя, а ты что здесь делаешь? – вдруг закричала Тиша. – Валя, ответь!

Застывшая возле кровати Валя с пёрышком в руках бессмысленно таращила голубые глаза.

Кристина убрала глушитель в карман и обратилась к Наталье Дмитриевне:

– У вас есть что-нибудь выпить?

– Какой крепости? – с готовностью уточнила старушка.

– Судя по состоянию потерпевшего, – Кристина изучила красное и потное лицо Процессора, – что-то покрепче. Рюмку, не больше.

– Сейчас коньячку принесу, – Наталья Дмитриевна убежала в темноту.

Освобождённого Процессора пришлось увести в столовую: остаться у себя он истерично отказался. Валя очнулась,

расплакалась и клялась, что ничего не помнит, а потом забилась в кресло и замолчала. Тиша принесла свечи, и по стенам комнаты заколыхались причудливые тени. Собравшиеся за столом жильцы напоминали членов тайного общества, а выставленная Натальей Дмитриевной бутылка играла роль загадочного эликсира для избранных.

– Позвольте мне кое-что уточнить, – Кристина налила в стопку коньяку на два пальца, выпила и поморщилась. – Наталья Дмитриевна, Валерьян Дикий похоронен здесь, в Зареченске?

– Да, деточка, – ответила старушка. – У него могила интересная, надгробие в виде книги. Всем городом деньги собирали, чтоб установить.

– Ага, – Кристина обвела взглядом парней, подозрительно тихих. – Кладбищенский дворник рассказал мне, что именно эту могилу разгромили приезжие парни… у меня вопрос: приезжие ли? Яков, Леонид, Ярослав?

Яша закашлялся, Лелик побагровел, а Процессор взвился:

– Ты на что намекаешь, а?!

– Я, б…, не намекаю, я прямо спрашиваю! – рявкнула Кристина. – Это же были вы?

– Да, – Лелик тяжело вздохнул. – Это мы тогда отпраздновали окончание вуза.

– Девочек не позвали, чтобы не ругались, – еле слышно добавил Яша, косясь на Тишу.

– Хорошо отметили, молодцы, – подытожила Кристина. –

А теперь мы имеем материально-активного и очень обиженного призрака и напуганного медиума.

– Это кто тут медиум? – не понял Лелик.

Кристина указала на Валю.

– Валька – медиум? Она ж просто блаженная, – нервно хохотнул Процессор.

– Даже материально-активное привидение не может связать человека верёвкой, это действие длительное, – пояснила Кристина. – Оно способно на импульс, что-то резкое и быстрое: повернуть ручку газа, шлёпнуть по…

Лелик покраснел ещё сильнее.

– Вызвать перегруз и взорвать лампочки оно тоже может, – продолжила Кристина. – Но, чтобы опустошить чайник или обездвижить Процессора, ему понадобилась помощь Вали.

– Предательница! – Процессор хлебнул коньяку и уставился на Валю, как на клопа. Та шмыгнула носом.

– Оставь её в покое! – велела Кристина. – Она не знала, что творит. Неопытный медиум уязвим, особенно перед призраком человека, прожившего почти сотню лет, да и к тому же редкого фантазёра. Я ознакомилась с его книгой…

– Ах, это мой любимый роман! – воскликнула Наталья Дмитриевна и тоже хлопнула рюмашку, заев овсяным печеньем.

– Так вот! Он исполняет свой же сюжет! Только в книге главного героя щиплет и щекочет суккуб.

– А нас – чокнутый дед, – Яша потянулся к бутылке.

– С дурацкими книжонками! – прошипел Процессор.

– Не ругайте его! – вдруг запищала Валечка. – Он всё слышит!

Миг – и все свечи погасли, погрузив столовую в кромешный мрак. По очереди закричали Процессор и Лелик, зазвенела подвесками старая люстра, а в уборной заревела вода.

Кристина вздохнула. Ненадолго хватило глушителя.

– Наталья Дмитриевна! – крикнула она.

– Да, деточка? – бабка была спокойна, как сфинкс.

– Как его по отчеству?

– Алексеевич.

– Валерьян Алексеевич, успокойтесь! – взревела Кристина, ударив кулаком по столу. – Вы же интеллигентный человек! И ваша книга мне понравилась!

Резко наступившая тишина оглушила.

– Парни, извиняйтесь, – Кристина нащупала свечу, зажгла её и подняла над головой.

– Извините нас, пожалуйста! – первым закричал Яша. – Честное слово, никогда в жизни больше пить не буду!

– Простите, Валерьян Алексеевич, – басом поддержал Лелик.

Под потолком задребезжал старческий смех, и Кристина готова была поклясться, что разглядела полупрозрачного деда, грозящего парням пальцем.

– Процессор тоже извиняется и будет ухаживать за вашей

могилой! – сказала Тиша.

– Чего ж он сам не скажет? – хмыкнула Кристина.

– Так я его держу. И рот заткнула.

Призрак захохотал ещё громче, так, что у всех побежали мурашки. Потом Кристина ощутила на своём плече тёплое невесомое прикосновение.

– Посмотрим-поглядим! – прошептал призрак и исчез.

За окном завыла соседская хаски.

– Какая насыщенная событиями ночь! – воскликнула Наталья Дмитриевна. – Но не пора ли спать, деточки?

***

– Ты же понимаешь, Ярослав, что ты нам обязан? – спросила Кристина за поздним завтраком. – Валерьян Алексеевич, конечно, был человек добрый, но нервы бы он тебе изрядно помотал.

Процессор молча мешал ложечкой чай.

– Так что постарайся стать немного тактичнее, чем ты есть. Ты справишься, я верю.

Процессор закатил глаза и кивнул. Потом спросил:

– Наталья Дмитриевна, я могу закурить?

– Кури, мальчик мой, только в окошечко!

– Не забудь зайти на кладбище, – напомнила Тиша.

Процессор передёрнулся:

– Хорошо.

– Кристина, а, может, вы у нас останетесь? – спросил Яша. – Мало ли что… Валечке, опять же, помощь нужна.

– У меня командировка до конца августа, – улыбнулась Кристина. – Но мне здесь нравится, так что… Посмотрим-поглядим!

Впереди ждало тёплое и, возможно, самое тихое в её жизни лето.

Автор: Екатерина Никитина

Сын плотника

Курт Зоммер устало прислонился к броне транспортёра. Они наконец-то дошли до основного лагеря. Можно было немного расслабиться, переложив ответственность за сектор на кого-то другого. Он стянул с плеча осточертевший рюкзак и бросил его прямо в мешанину снега и грязи рядом с гусеницами транспортёра и, немного помедлив, уселся в ту же грязь сам. Прислонившись к катку, он вытащил из кармана изрядно помятую пачку сигарет. Этот контракт давался Группе нелегко.

Отражение нападения пиратов, на которое они подписались, в какой-то момент переросло в гражданскую войну. Все космопорты, кроме одного, были уничтожены диверсантами. И, чтобы получить оплату и вообще улететь с этой проклятой планеты, предстояло местную войну выигрывать. Ресурсы Группы истощались.

Зоммер положил винтовку на колени и аккуратно, стараясь не порвать, расправил сигарету.

А ещё гражданские. Понёс же его чёрт проверять эти руины. Прошли бы мимо, никто бы ничего не узнал. Гражданских в этой части галактики никто бы не стал считать.

Он достал из кармана зажигалку. Куда же их теперь девать, гражданских? Это чёртовы бабы и долбанные сопляки.

Ну, это уже не его забота. Он их из подвала вытащил, воды дал, до безопасного места довёл. Может быть, на Страшном суде ему это зачтётся. А пока пусть Полковник решает, куда отправить этих людей. Он несколько раз сжал зажигалку, раскручивая микрогенератор, вспыхнула сиреневая дуга, и он, наконец, закурил.

Зоммер прислонил голову в шлеме к катку и выпустил длинную струю дыма в серое небо. Опять начинался снег. На этот раз – белый, значит, в укрытие бежать не нужно. Снежинка попала на ресницы, глаза рефлекторно закрылись. Открывать их Курт не хотел.

– Здравствуйте, мистер Курт! – детский голос прервал его краткое забытье.

Зоммер открыл глаза. Перед ним стоял мальчишка, один из этих чумазых детей, которых он на свою голову вытащил из руин. Зоммер забыл, как зовут этого перемазанного в саже ребёнка.

– Эй, пацан! Тебе дали чего-нибудь поесть?

– Да, но леди там, в грузовике, сказала, что мне какое-то время не следует есть слишком много, потому что я долго не ел. Так что я всё ещё голоден.

– Леди права. Ты можешь умереть, если набьёшь живот слишком рано, придётся потерпеть.

– Вот, мистер Курт, возьмите, – мальчик протянул маленькую фигурку собаки, вырезанную из дерева.

– Что это?

– Это собака. Мой отец сделал для меня, когда я был маленьким. У нашего губернатора была такая, только настоящая. У меня просто больше ничего нет. Возьмите за то, что спасли нас.

– Ну, тебе не обязательно мне ничего дарить. Первый раз за мой счёт. И как думаешь, не расстроится ли твой отец, если ты отдашь мне его подарок?

– Нет. Его забрали четырнадцать циклов назад, с тех пор я его не видел, – сказал мальчик и пожал плечами.

– Так не лучше ли тебе сохранить её, как напоминание о твоём отце?

– У меня есть ещё, – мальчик достал из кармана ещё одну фигурку собаки. – А эта напомнит вам обо мне.

– Ну, тогда давай, – Зоммер взял фигурку из ладони мальчика и поднёс его ближе к глазам. – Хорошая работа. Очень мелкие детали. Шерсть как настоящая.

– Мой отец был лучшим резчиком в городе, пока правительство не запретило рубить деревья, чтобы сохранить атмосферу.

– Я думаю, что это было глупое решение. У твоего отца был… э-э… Твой отец очень талантлив.

– Лучше бы он был таким, как вы, мистер Курт. Тогда полиция бы его не забрала. Вы сильный. У вас есть ружьё. Вы можете полететь в космос и увидеть разные планеты. Вы храбрый. Вы – герой.

– Не-а. Я не герой. Герой – это очень опасная работа. А я

не люблю опасные работы. Я настоящий трус.

Мальчик улыбнулся.

– Вам меня не обмануть. Только герой мог бы сделать то, что вы для нас сделали. Когда я вырасту, я стану наёмником, как вы, мистер Курт.

Зоммер хмыкнул и тоже улыбнулся.

– Нет, пацан, это не та работа, о которой я бы мечтал на твоём месте. Никто не любит наёмников.

– А я люблю наёмников.

– Ну, может быть, никто, кроме тебя. Тебе лучше найти другой способ, чтоб стать великим.

– Что я могу сделать? Я всего лишь сын плотника.

– Ну, я знаю как минимум двух сыновей плотников, которые изменили жизнь всего человечества. Может быть, ты будешь третьим.

– Не может такого быть! Как может простолюдин изменить жизнь всех людей?

– Когда-нибудь слышал об Иисусе Христе?

– Ха, его *настоящим* отцом был Бог! И он мог творить чудеса. Я не могу превратить воду в вино!

– А ты пробовал?

Мальчишка нахмурился.

– Нет. А кто был второй?

– Гагарин.

– Кто?

– Гагарин. Первый человек, полетевший в космос.

Мальчик фыркнул.

– Большое дело. Сейчас много людей летают в космос. Вы тоже прилетели из космоса.

– Да, и всё благодаря первому, который доказал, что это вообще возможно. Пару тысяч лет назад о космических путешествиях люди могли только мечтать. Его *настоящий* отец был *настоящим* плотником, – передразнил мальчишку Зоммер.

– Этого не может быть. Чтобы улететь в космос, нужна куча денег. Нужно быть кем-то знатным и богатым.

– Там, где он жил, это было необязательно. Можно было стать тем, кем захочешь, если стараться. И он очень старался. Стал лучшим пилотом. И первым человеком, улетевшим с Земли. И, конечно же, – Зоммер сделал паузу, чтобы положить подарок в карман, – он не был наёмником. Никто не любит наёмников.

– Никто, кроме меня, мистер Курт, – мальчишка снова улыбнулся.

Курт хмыкнул.

– Никто, кроме тебя, пацан. Никто, кроме тебя.

Автор: Сергей Шаманский

Юра, прости нас!

«Перемены неизбежны» – гласила надпись на старом потрёпанном плакате. Он каким-то чудом не попал под застройку комплекса космического лифта. Хотя, скорее всего, именно потому и оставили этот, старый, ещё из запрещённого к производству поливинилхлорида, того самого злобного ПВХ, который причинил в своё время столько проблем. Одно «Великое мусорное пятно» чего стоило. Но это всё позади. Как и мой последний день на Земле.

Махина кабельтовой установки тянулась куда-то вдаль, в высоту, которая перестаёт быть высотой уже за линией Кармана и становится плоскостью, а затем и точкой. Точной геостационарной орбиты за тридцать шесть тысяч километров от места, где я стою сейчас. В начале века многие считали конструкцию космического лифта невозможной, пока не нашли способ спекать графеновые нити прямо в 3D принтерах. Тогда из абсурдной идеи космический лифт превратился в инженерную задачу, а затем и в обыденность из шести лифтов.

– Перемены неизбежны, – тихо проговорил я. Юрий Алексеевич… нет, не Гагарин, Григорьев, хотя с Гагариным сравнивали постоянно. Не из-за роста, я на голову выше моего почти полного тёзки, но из-за предстоящей мне задачи, которую вечно брались сравнивать с Его задачей. Ступить ту-

да, где человек никогда не бывал и не факт, что будет.

Многих мой скепсис насчёт предстоящего удивлял и даже настораживал. Он чуть не стал причиной моего отстранения. Но после беседы с начальником экспедиции я даже был утверждён его замом, потому что «мой скепсис и критичность мышления чётко уравновесили бы лёгкий идеализм и энтузиазм капитана корабля».

Шутка ли, раньше даже отправление на Марс десяти человек казалось безумием и неоправданным риском, а теперь отправляется тысяча. Многие с надеждой смотрят на этот проект. Именно такие дерзости двигают науку вперёд, дают ей самый стремительный импульс. Хотя сам по себе старт лифта уже был обыденностью, и журналисты при помощи дронов без особого энтузиазма расспрашивали капитана – даже цель нашей важной миссии затмевал назревающий мировой конфликт.

Однако, мне всё же жаль отправляться именно с помощью лифта. Без былой романтики, когда космонавта вжимает в кресло капсулы чудовищными перегрузками, не чувствовать «свою всё увеличивающуюся важность», как шутил мой коллега. Перегрузка в космическом лифте не превышает полутора G, иначе ходить и даже ползать по кабине было бы весьма проблематично. А так, через два дня ты уже на станции «Зевс», в ней из-за постоянного ускорения даже гравитация есть, и сама станция уже похожа на небольшой город. Я с первой сотней отправляюсь вперёд остальных к «Зевсу». Мы

займёмся пусконаладкой громадины, невозможной когда-то раньше. Сейчас её вытянутый иглой километровый корпус впечатляет, но не более того.

Электродвигатели лифта разогнались плавно, позволяя экипажу привыкнуть к ускорению. Многие уже были знакомы друг с другом, некоторые – долгие годы. Мои же товарищи стартуют последней группой, так что вместо знакомых лиц я смотрел на иллюминатор площадки лифта. За ним виднелось гало Земли в лучах заходящего Солнца, сменившееся чернотой космоса, в которой едва проглядывались звёзды.

Станция «Зевс» была образчиком математической точности, выверенная высота, чтобы по всему основному объёму станции, слегка искривлённому, имелось неотличимое от земного тяготение. Подобное достижение избавляло от связанных с микрогравитацией трудностей, многие сотрудники станции годами не спускались на Землю. Оставалась проблема космического излучения и радиации, но с ней справлялись магнитные резонаторы. Они ярко вспыхивали на внешней стороне станции, обращённой к глубокому космосу. Зная, какие энергии у частиц, что вызывали эти вспышки, я невольно ёжился и благодарил создателей и проектировщиков этого произведения искусства. Прозорливость тех гениев и творцов восхищала. Подумать только, академику Волхову стоило невероятных усилий доказать правительствам и скептикам, что станция не будет могилой энтузиастов.

Будни станции для меня протекали неотличимо от земных, исключения – это краткие выходы в космос. Скафандры «Орлан-3» позволяли покидать безопасные пределы станции даже так далеко от поверхности, там, где магнитосфера Земли почти не защищала от пришельцев из далёкого космоса, выпущенных, возможно, уже мёртвыми звёздами.

Я последним осматривал снаружи наш корабль, нашу колыбель, инкубатор и надежду, что повезёт нас к Альфе Центавра. Проксиму Центавра отбросили из-за малого шанса найти в системе планеты, пригодные для жизни человека, хотя какая-то жизнь на них вполне могла быть.

Осмотр корабля занял у меня почти сутки, капитан даже хотел устроить мне гневную отповедь, что я мог получить пороговую дозу облучения или даже выше. Хотя раньше, в былых стандартах космонавтики, подобная доза считалась едва ли не обыденностью для космонавта.

– Лучше эту дозу получу я один, чем весь экипаж из-за отказавших электромагнитов, – эта фраза и мой суровый взгляд подействовали умиротворяюще на капитана и старших членов экипажа. – Корабль готов к старту, оповестите начальника экспедиции. Я уже подписал форму отчёта.

Я не врал. Как радиосигнал на древнем радиоприёмнике, мигающий и показывающий, куда нужно лететь, так и мигающий на дисплее дополненной реальности файл был мной подписан и отправлен буквально только что. Больше ничего не держало ни меня, ни экипаж, ни корабль.

Нас провожали все, кто только мог: сотрудники станции и спешно поднявшиеся на орбиту журналисты, начальник экспедиции и даже сам товарищ Волхов, презревший все препятствия и рекомендации врачей. Девяностолетний старик жал нам руки и не мог сдержать слёз. Я даже не могу представить, каково это, положить жизнь на работу, результатов которой ты не сможешь увидеть или же просто осознать, что у тебя что-то получилось.

Но мы все улыбались. Вся тысяча человек в одинаковых ослепительно-белых формах-комбинезонах, отличных лишь погонами и символами командных должностей. Тысяча отобранных, здоровых, работоспособных, образованных и молодых, но уже умудрённых опытом. Цвет человечества отправлялся вдаль от проблем этого человечества, в надежде на новом месте этих проблем избежать или не допустить их возникновения.

Мы расположились на своих местах и с нетерпением наблюдали, как разогреваются двигатели, получая всё больше и больше энергии от термоядерного сердца. Корабль не отталкивался от планеты, не ревел в натугах, пуская клубы дыма и пыли, омывая космодром потоками горячего воздуха. Он, просто отстыковавшись от станции, оттолкнулся вспышкой сопел и полетел вдаль. На фоне пустого космоса раскрывающиеся крылья «Светлячка» были поистине прекрасным зрелищем. Именно так назывался корабль из-за яркого свет-

лого «брюшка» и «хвоста», а также широких крыльев солнечных батарей и радиаторов, отводящих от реактора тепло. Некоторая его часть уходила на обогрев помещений корабля, но его слишком много.

Радиаторы – самая слабая часть конструкции. Корабль не мог быть многокилометровой громадиной из научно-фантастических саг прошлого века, слишком многое говорило против такой конструкции, но такая конструкция позволила бы потратить всё тепло от реактора на обогрев помещений. У «Светлячка» такой возможности нет. Калориферные трубы, отходящие от реактора, кровеносными сосудами пронизывали жилые помещения корабля. Комфорт и тепло были неотделимым условием такой экспедиции.

В иллюминаторе Земля казалась уже сине-бело-зеленой точкой, когда наконец-то ввели посменный режим полёта. По-настоящему рабочий режим для одной смены в полсотню специалистов, но таких широчайших познаний и высоких квалификаций, что даже один член экипажа мог быть за троих. Нет никакой необходимости всей тысяче человек бодрствовать одновременно, иначе бы потребовалось слишком много ресурсов и припасов. Поэтому в центре корабля, под слоями толстенных переборок безопасности и защитных стен, установлены гибернационные ковчеги. Где в глубоком стазисе спали члены корабля, дожидаясь своей смены.

Моя первая смена была пятой по счёту, через два года после старта. Она выпала на пролёт около Сатурна, и я подолгу

в одиночестве любовался видами его колец. Завораживающее зрелище. Особенно на фоне Солнца, когда далёкое родное светило просвечивало сквозь мириады песчинок и камешков, создавая парад теней и бликов.

Меланхолию мою из уважения никто не прерывал, да и я чётко понимал, что одиночество и следующая за ней апатия – это самый страшный враг. Но одиночество со мной с самого рождения. И главный критерий отбора на миссию, звучавший как «Земные привязанности», я прошёл с лёгкостью.

Я летел мрачным антиподом капитана, взявшего на миссию красавицу жену. Меня на Земле никто не ждал, и я, в отличие от многих членов экипажа, после пробуждения не бежал к иллюминаторам и не пытался найти фактически неразличимое без телескопов пятнышко на небосводе. Свет и радиоволны от сине-бело-зелёного шарика летят до нас сотню минут, прежде чем мы увидим происходящее на Земле, услышим голоса других людей. Узнаем, что товарищ Волхов умер на девяносто пятом году жизни, сможем оплакать его и передать соболезнования.

Состав смены иногда менялся. Смешивания позволяли экипажу за короткие полгода узнать новых людей, обрести друзей или даже возлюбленных. Многие могли сказать, что разлука из-за гибернации столь тяжела и невыносима, что может подтолкнуть к непоправимому – но она же позволяла остудить пыл, задуматься о чувствах, проверить истинность.

Моя первая полугодичная смена закончилась быстро. На-

стало время отправляться в сон. Меня ждала огромная полупрозрачная колба, наполняющаяся густой обволакивающей жидкостью: её ледяные объятья остановили мой жизненный цикл до возможного максимума, дальше которого лишь крепкая хватка смерти.

Вторая моя смена началась, когда корабль миновал Плутон и разогнался до своей основной скорости, намереваясь лететь на ней несколько сотен лет, пока не возникнет необходимость тормозить. Странное ощущение, быть быстродвижущимся человеком внутри замкнутого стального корпуса и наблюдать волшебство релятивистских эффектов. С каждыми прошедшими земными сутками всё меньше света со стороны Земли могло нас догнать, а на дешифровку радиосигналов и лазерных лучей уходило всё больше и больше времени.

Но появилась проблема. Радиаторы корабля, как и положено, оставляли за собой светящийся след испускаемого тепла, но телеметрия показывала повреждение некоторой их части. Из-за налетающих на них песчинок и камешков, встречающихся за орбитой Плутона. Специальные металлокерамические пластины радиаторов крепки, но на такой скорости опасны даже мельчайшие песчинки. Мы отослали отчёт на Землю и стали ждать ответа. Я ложился обратно в гибернацию с тяжёлым чувством на сердце.

Следующее моё пробуждение было экстренным. Мне бережно помогли встать из капсулы и позволили проморгаться,

привыкнуть к тусклому освещению. Нарушение протоколов возврата грозило необратимыми последствиями для мозга: оттаешь слишком быстро – и получишь множество микроинсультов, слабо совместимых с жизнью. Но я, покачиваясь у капсулы с раскалывающейся от боли головой, и не мог унять беспокойство, что меня пробудили даже быстрее, чем того позволяла экстренная процедура.

– Юра, давай, просыпайся, ты нам нужен, – меня удерживал за плечи один из техников нынешней смены. – У нас большой пробой в радиаторах. Вода выходит. Мы как могли заделали пробоину, на такой-то скорости, но нам нужно перенаправить часть воды из отсеков гибернации.

– Но ведь это значит, что…

– Просыпаться будем по десять человек. Остальные пусть спят. Слишком много воды уходит на это.

Кто бы мог подумать, что самым важным грузом окажется обычная вода.

Эта экстренная смена прошла напряжённо, в постоянной сверке с телеметрией радиаторов и доскональными просчётами расхода воды. А связь с Землёй за поясом Койпера откровенно паршива. Передатчик сигнала работал, но мы не могли толком расшифровать получаемые сигналы, получалось лишь отправлять расчёты, телеметрию и аудиодневник начальника смены.

Но смены сдвинулись, сильно. Моё следующее пробуждение оказалось уже через шесть сотен лет, когда корабль оди-

нокой песчинкой плыл в глубоком космосе. Многие системы корабля были отключены ради экономии энергии. Нас дежурило всего десять человек, попеременно сидя перед главным компьютером и нервно сверяясь с показателями телеметрии. В конце смены я должен был лечь в гибернацию вместе с остальными, но мне словно что-то мешало даже думать об этом, эдакая гибернационная бессонница.

Я смотрел на тёмный отсек гибернации, на выключенный свет внутри помещений корабля, и боялся этой темноты. Словно сама пустота космоса проникла внутрь. Я смотрел на покорёженные аудиодорожки воспринимаемого сигнала и понимал, что мы одни. Мы можем сказать Земле: «Мы живы. Мы всё ещё летим!» Но это всё, что мы можем. Мы слепы и глухи, летим по заложенному столетия назад маршруту и надеемся на непогрешимость знатоков небесной механики. Экипаж рискует задохнуться и умереть от жажды, но летит, поскольку не мог не лететь. Мы – тот самый символ дерзости человеческого разума, который позволит новым поколениям учёных пойти на штурм границ неизведанного, непознанного и даже… невозможного.

Голографический дисплей мерцал и едва не гас, ему не хватало энергии, мы все пустили на работу двигателей и обеспечение безопасности экипажа, а на такие функции оставался мизер. На дисплее дребезжал курс «Светлячка» с его изящными петлями и кольцами вокруг орбит планет. Их гравитация притормозит корабль, чуток развернёт и изменит

ему курс строго в соответствии с расчётами. В пустом космосе ничто не может затормозить корабль, кроме обратной реактивной тяги и гравитации небесных тел…

Меня словно ударило молнией. Я подскочил и побежал ко вперёдсмотрящей антенне, второй по мощности после хвостовой, но ещё рабочей и способной дать заветную телеметрию и анализ далёкой системы. Альфа Центавра – это двойная система, и у нас был шанс… Мы могли прилететь раньше запланированного, если бы развернулись чуть позже и тормозили через движение вокруг звёзд против их движения по орбите. Но нужны точные расчёты. А для этого главному компьютеру нужна вся возможная энергия. И я могу дать её, высвободить за счёт воды, которая потребуется для моей гибернации и пробуждения, и гибернации остальных смен и членов экипажа. Иными словами – я должен буду бодрствовать до самого конца. И не могу, нет, не имею право кого-то будить ещё.

Я отключил посменное пробуждение, введя коды доступа старшего офицера. Оно бы вновь включилось только с моей смертью.

Расчёты затянули меня с головой: снять все показания с датчиков и антенн, проанализировать нашу скорость и эффект от торможения при движении в гравитации двух звёзд. Я не заметил, как прошли дни, недели, месяцы. Прошло полтора года с того момента, как я должен был лечь спать в гибернацию, но вместо этого я вспомнил, что такое обыч-

ный сон, когда ты слушаешь музыку Земли. Шум ветра в горах, шелест листьев в летнем лесу, морской прибой. Пение птиц особенно хорошо помогало вспомнить моменты жизни, оставшиеся далёком в прошлом. Расчёты были закончены. Я оказался прав, мы сможем сократить перелёт почти на полторы сотни лет, торможение в конечной точке будет идти долгих пять лет.

Моя правота могла утешать меня, но до прибытия в систему оставалось ещё шестьдесят лет, значит – одиночество вновь станет моим спутником. Зато это честно. Сэкономленная энергия позволит системам корабля продлить моё адекватное существование на сколько-нибудь продолжительный срок. В базах данных есть соответствующие программы по физическому поддержанию формы и индивидуальной диете, а еды и вовсе рассчитано на пятьдесят человек в смену.

Годы шли, я любовался звёздами, в особенности ставшей сверхновой Бетельгейзе. Её едва заметные с такого расстояния пламенеющие приливы никак не могли мне наскучить. Я пользовался всем доступным научным оборудованием, книгами на электронных чернилах. А телескопы были моими любимчиками. Где можно найти место для наблюдения за звёздами лучше, чем место, где нет лишних источников света, так сильно мешавших на Земле?

Спустя какое-то время такой жизни я перестал сколько-нибудь замечать проходящее время и уже даже не считал уходящие дни, месяцы, годы, десятилетия. Лишь надеялся,

что всё сделанное было не зря. Что посылаемые мной сигналы нашли благодарных слушателей, всё ещё внемлющих далёким предтечам. Что с экспедицией всё в порядке и она прибудет даже раньше назначенного.

Я сколько мог поддерживал себя в тонусе, совершая ежедневные пробежки. Но сейчас, спустя столько лет, десятков лет, я мог лишь неспешно шаркать по помещениям, освещённым звёздами да люминесцентным фонарём в моих руках. Иллюминаторы в передней части жилого блока небольшие, даже крохотные, но многие из них пришлось задраить и залепить пеной: их в своё время пробили космические камешки и пыль. Здесь было опасно находиться, но я уже ничего не боялся. Я медленно, опираясь дрожащей рукой на стену, наклонился к самому целому иллюминатору. И обомлел. К нам приближалось что-то явно искусственного происхождения. Я что есть сил поковылял в сторону мостика. Согласно приказам экспедиции, приближение неопознанных объектов являлось основанием для пробуждения всего экипажа.

Вот капитанский мостик, вот я, вот большая красная кнопка с дублирующим управлением. И момент слабости, оказаться согбенным стариком на фоне своих ещё совсем молодых товарищей. Но я не позволю собственной немощи встать на пути у успеха экспедиции. Откинутая крышка кнопки, щелчок. И сирена тревоги, первый громкий и резкий звук за многие десятилетия, от которого начинают болеть уши.

Звук бегущих людей казался мне мороком. Первым забежал Герман, затем его красавица жена Алиса. Их шокировал мой вид, но едва ли не больше их шокировало прибытие другого корабля, что поравнялся со «Светлячком» и искал способ стыковки. Я был в полнейшем восторге. Этот корабль был совершенен на фоне несуразной громадины «Светлячка», вытянутый, серебристо-стальной, словно бы сошедший с кадров тех самых фильмов научной фантастики прошлого… уже просто прошлого.

– Юра! Это ты? Что… Что случилось? – не веря проговорил Герман.

– Так нужно было, – хрипло отрезал я. Говорить приходилось очень редко.

– Но ведь были и другие способы…

– Если бы были, то я бы ими воспользовался. Поверь, у меня было время на подумать, – я слабо улыбнулся. Лёгкий толчок. Шлюз отрапортовал о стыковке.

– Ну что ж, пойдём встречать гостей, – я выпрямился, насколько мне позволяли мышцы и старые кости. Старался сделать свои шаги твёрдыми, как в молодости, когда входил в космический лифт, чтобы подняться на орбиту.

Внутренний шлюз открылся. Внутрь вошли затянутые в чёрные скафандры фигуры, гуманоидные, плечистые и высокие, выше среднего члена экипажа.

Самый первый из вошедших поднял руки в жесте столь древнем, обозначающем мирные намерения, руки кверху,

так, что они почти касались потолка шлюзовой камеры. Кто-то из нас ахнул, кто-то перешёптывался, но мы все стояли неподвижно. Фигура убедилась в нашем спокойствии, и сняла шлем. Перед нами стоял человек, но без волос на голове, кроме редких бровей и ресниц, с бледной кожей и светло-серыми глазами. Одновременно похожий, и не похожий на нас. Он заговорил на какой-то тарабарщине, словно арго или смесь десятков языков.

– Простите, пожалуйста, мы вас… не понимаем, – максимально отчётливо произнёс Герман.

Наш гость кивнул будто бы самому себе, нажал что-то на нарукавном дисплее и проговорил медленно длинную фразу. И воспроизвёл её через динамики скафандра.

– Экипаж «Светлячка Надежды». Мы, люди объединённой Федерации Планет, благодарим вас за ваш подвиг и надежду, что вы дали нам, потомкам, своей отвагой, решимостью. Дерзостью, с которой вы отправились в этот полёт, не зная, получится ли у вас долететь, но имея в сердце надежду, а в разуме – знание. Ваши отчёты и дневники экспедиции доказали, что это возможно. Благодаря вам человечество не утратило стремление покорить космос, хотя было очень близко. Мы не владеем вашим языком, он смешался с другими за сотни лет, но мы надеемся, что в будущем, которому вы подарили надежду, вы сможете обрести и дом. Вас доставят на спасательном корабле, и через месяц вы уже будете на планете, сможете ступить на твёрдую почву.

Экипаж ликовал, все радовались и кричали от восторга, что их смены и их полёт скоро подойдут к концу. Что значил какой-то месяц в сравнении с жизнью молодых и здоровых?

– Герман… у меня нет этого месяца.

Я прошептал настолько тихо, что меня смог услышать лишь мой единственный оставшийся друг. Капитан шокировано, с сожалением посмотрел мне в глаза. Слова излишни. Как бы ни развивалась медицина, каких бы высот она ни достигла, но я чувствую приближающийся конец. Или чьё-то начало.

– Знаешь, – прошептал я. – Я теперь понимаю товарища Волхова, когда он провожал нас. Теперь мой черёд проводить вас. Я останусь здесь. И наконец-то лягу спать.

– Юра… прости нас.

– Вам не за что просить прощения…

***

– Год 2787. Планета Новый Союз. Мемориальный памятник экипажу «Светлячка». А чья могила здесь, папа? – спросил мальчик лет семи у своего отца.

– Это могила настоящего мужчины и космонавта, имя которого ты носишь, Юра. Здесь покоится Юрий Алексеевич Григорьев, мой старший помощник. Он буквально чуть-чуть не долетел, но, благодаря ему, долетели все мы.

Автор: Фролович Никита

Сказ об Иваре, Милораде и темном двоедушнике

На зелёном холме, близ шумного Сейна, в окружении тына стояли княжие хоромы. Над ними высился расписной терем. По столбикам к башенкам-смотрильням змеились пёстрые узоры. Слюдяные окончены глядели из-под кружева наличников.

В светлице терема томилась княжеская дочка Милорада. Лицом бела, руки нежнее розовых лепестков, ступает мягко, так, что и пёрышко рядом не колыхнётся. Прячет она светлые глаза во мраке ресниц, румянец играет скромностью.

Отец и мать гордились дочерью, хвалили её за покорность. И достойного жениха ей подыскали – князя соседского города, молодого, отважного Буеслава. Скоро их свадьба была назначена.

Берегли княжну пуще зеницы ока. Под надзором строгих нянек день за днём бродила Милорада по дворцовым палатам, по гульбищу, без цели и замысла. Редко выпускали её из дворца, разве что до мыльной дойти да обратно. А воротится в светлицу – сидит замчена.

Одна отрада была у неё. Позволяли княжне во время победных пиров спускаться в гридницу, слушать рассказы братьев про добрую битву, любоваться танцами и услаждать

слух искусной игрой музыкантов. Но только дело станет клониться к ночи – Милораду отводили обратно в покои да и запирали до утра.

Как-то раз в самый разгар пира вернулась княжна в свой терем. Снизу слышатся песни, шутки да смех. Вздохнула Милорада да легла спать. Через час-другой очнулась. Огляделась, а в темноте у двери что-то шевелится. Присмотрелась – кошка. Чёрненькая от макушки до самого хвостика, мурчит, трётся о косяк, в зубах колечко держит. А на нём ключик блестит, позвякивает.

Милорада тихонько поднялась, подошла к кошечке и стала гладить её. Та ещё громче мурчит, трётся шелковой шёрсткой о руки княжны.

– Откуда взялась ты в моих покоях? – рада она ночной гостье, да вот только в толк не возьмёт, как пробралась к ней эта хитрунья.

Кошечка открыла пасть – ключ Милораде в руки и упал.

– Что за подарочек ты мне принесла?

Кошечка на дверь наскакивает, жалобно мяучит.

– На волю хочешь? До светлой зорьки мы с тобой здесь замчены, разве что твой ключик сможет дверь отпереть.

Призадумалась Милорада. Кошечка словно на её тоскливый зов явилась, чтобы помочь сбежать из темницы. Подняла глаза Княжна и видит: замочек-то не снаружи висит, а чудом перебрался в покои. Страшно стало вдруг Милораде: что за волшебство? А кошечка на дверь прыгает, громче мя-

учит.

«Не видать мне воли, если сейчас не выберусь», – подумала Милорада и в темноте стала ключиком замочную скважину искать. Нашла, отпирает дверь, тянет тяжёлое кольцо. Выглянула – стражники спят, по стенам сползли на пол, секиры рядом лежат.

Кошечка по сеням деловито вышагивает. Пройдёт немножко, остановится, смотрит на Милораду, словно зовёт за собой. Княжна следом крадётся по сеням, по палатам вниз. Так они на улицу и вышли. Стража спит, няньки не приметили, что их поднадзорная на волю выбралась – что за небылица?

Сладко княжне на бескрайнее небо глядеть, любоваться неисчётной россыпью звёздочек, влажной прохладой дышать.

Кошечка снова мяучит, то к воротам подбежит, то обратно вернётся. «Из своей темницы я вырвалась, – подумала Милорада, – так и эту границу миновать сумею». Подошла к воротам, коснулась рукой тяжёлых дверей, а они сами перед ней распахнулись. Шагнула Милорада за пределы отцовского дома, и страшно ей, и радостно.

Добрались они до яблоневого сада – кошечка остановилась.

– Пришли, хитруля? – спросила её княжна, а у самой на душе смута: не к добру ночные прогулки с загадочной кошечкой. А вокруг – красота! Деревце за деревцем скрыва-

ется, в прятки играет, веточки во все стороны раскинулись, плоды румяные показывают.

Вдруг в высокой траве послышался шорох. «Уж не хищный ли зверь притаился и прочит меня себе в добычу?» – испугалась Милорада, попятилась назад, оступилась и повалилась на землю. Замерла, не дышит, глаза от страха закрыла.

– Здравствуй, милая, – послышался вдруг чей-то голос. – Что ты здесь делаешь в такой поздний час?

Посмотрела Милорада, а это парень молодой. Ничего не ответила ему, вскочила да побежала, куда глаза глядят. Да они уж и не глядят! Всё смешалось вокруг, перепуталось, только под ногами трава мелькает.

– Стой! Куда же ты?! – молодец вдогонку бросился. Княжна миновала поляну – речка путь преградила. Парень подошёл ближе, успокаивает Милораду ласковыми словами. А та ещё больше боится.

Кинулась княжна в реку, думает: «Пусть лучше меня воды унесут, чем случится непоправимое». Зашумело всё вокруг, брызги полетели, тело холодом обожгло, уцепиться не за что, в глубь водоворотом тянет. Потемнело в глазах у Милорады, унеслись мысли в даль неведомую.

Вдруг почувствовала княжна, что лежит она на травке. Перед взором её небо звёздами блещет, а шум реки поутих.

– Ну вот, очнулась, – произнёс молодец. Рядом сидит, улыбается.

– Только тронь меня! Не сносить тебе головы! Не знаешь,

с кем судьба свела!

Вскочила Милорада да побежала со всех ног через поле, ворота открытые, в терем и заперлась в покоях. А на её постели чёрная кошечка лежит, свернулась калачиком и мурчит, встречает хозяйку. Милорада ключик на подушку бросила, села рядом, гладит хитрунью, а та с боку на бок поворачивается.

– Меня ждала или свой подарочек назад просишь? – засмеялась Милорада. Весело ей, словно вина испила! Всё ей забава – и нарушение родительского приказа, и то, как беспомощно спят у её двери стражники в покосившихся шлемах. Даже парень, которого так испугалась, да бурная речка с шипучими водами показались теперь добрыми, а страхи – глупой выдумкой!

Чёрная кошечка потянула лапкой ключик, взяла железное колечко в зубы и прыгнула в тёмный угол. Княжна пошла за ней, а там пусто, нет ночной гостьи.

Наутро просыпается Милорада – солнышко в хрустальное окошко стучится, няньки в комнате толпятся, торопятся нарядить княжну к трапезе.

Есть не хочется Милораде. Сидит она задумчиво, водит ложечкой по пустой серебряной тарелочке, узоры сбивает. Родители беспокоятся, нянек строго допрашивают: что с княжной приключилось, спала ли ночью да говорила ли во сне, да о чём говорила? Видно, не досмотрели, бездельницы!

Милорада хотела было вступиться за нянек, да отец не

позволил говорить. Горько стало княжне, да вспомнился ей парень, которого ночью встретила. «Вот и глупой же я ему показалась, – подумала. – Он меня спас, а я взамен пообещала лишить его головы!»

Улыбка тронула губы княжны, лицо посветлело.

– Над чем смеёшься? – рассердился отец. – Над родительской тревогой потешаешься?

Возразить не успела Милорада, князь велел ей возвращаться в покои да не выходить до самого вечера.

Милорада зашла в светлицу, загрустила да пряжей занялась себя. На веретено ложится ниточка к ниточке, мысль за мыслью в голове у княжны тянется: «Нет мне счастья в дворцовом тереме, с горя зачахну здесь». Снова незнакомый молодец ей в ум лезет, она гонит его образ, а тот ещё больше душу тревожит.

Замечталась, уронила веретено, покатилось оно в сторону окошка. Милорада подобрала его, да подумалось ей: «Отворю оконце, может, снова чёрная кошечка вызволит меня».

Только солнышко спряталось, а в тереме тихо стало, слышит княжна – мурлычет кто-то в тёмном углу.

– Пришла! – обрадовалась гостье княжна.

Кошечка на постель прыгнула и ключик на колени положила. А замок-то снова из сеней на сторону покоев перешёл. Смело спустилась по лестницам Милорада и вышла во двор. Ворота её пропускают, не препятствуют. Кошечка впереди вышагивает, хвостом по воздуху водит.

Опять пришла княжна в яблоневый сад. Крадётся между деревьев: то выглянет, то спрячется. Истомилась вся, хочет снова встретить того молодца, да страшно, вдруг он недобрый человек, вдруг сама в руки к злодею идёт?

– Здравствуй, милая! – тронул её за плечо кто-то. Обернулась – он. Вскрикнула да наутёк, как и в прошлую ночь, бросилась.

– Что за знакомство диковинное?! – засмеялся парень. – Не гонюсь я за тобой! Остановись, поговори со мной!

Милорада помедлила, оглянулась – молодец на травку сел, не сводит с неё глаз.

– Ближе подойдёшь – пожалеешь, – промолвила княжна.

– Чего испугалась? Не обижу.

– Вот и ладно, – и снова замолчала. А что скажешь незнакомцу посреди ночи? Разве что: не бей, пощади мою душу!

– Как твоё имя? Никогда не видал тебя в нашей деревне, – спросил её парень.

Милорада покраснела, опустила взгляд. Как признаться, что она, княжеская дочка, дома не ночует?

– Ну, как хочешь, – улыбается молодец и красное яблочко ей протягивает. – На вот, гостинец.

– Что ж я тебе, лошадь – на гостинцы меня подманивать?

– Издалека на лошадь не похожа, – сощурился. – Ближе подойдёшь – рассмотрю тебя, тогда наверняка скажу.

Милорада заулыбалась, развеселила её насмешливость деревенского парня. Но подходить не стала.

– Ловкая? Лови яблочко! – бросил молодец гостинец.

– Поймала! Поймала! – заливисто рассмеялась она, и страхи тут же развеялись. Не может такой весёлый парень быть злым человеком! Подошла к незнакомцу поближе и села рядом на травку:

– Меня зовут Милорада, я ваша княжна. Отец меня из терема никуда не пускает, потому мы и не виделись.

Молодец заговорил насмешливо:

– А меня зовут Властимир, я великий князь, хозяин этих земель. Ночью я выхожу из дворца, чтобы у самого себя яблоки воровать.

Снова засмеялась Милорада.

– Глупый ты! Я ведь правду тебе сказала, – и показала она ему свои перстни с гербовой печаткой. Молчит парень, не зубоскалит больше. – Что ж ты? Или шутки у тебя закончились?

– Прости меня, княжна, не мог я знать, что повстречаю тебя без стражи, да ещё и в ночное время.

Милорада хотела было сказать что-то в своё оправдание, да нечего.

– А как твоё имя? – спрашивает она его.

– Ивар меня зовут, столяр я, сын Леды. Вон там моя деревня, – махнул он рукой на другой конец сада. – Позволь спросить тебя, княжна, зачем ты вторую ночь подряд из царского терема сбегаешь?

Милорада смутилась, обвила руками колени, спрятала ли-

цо в складках сарафана.

– Не думай обо мне дурно, – заговорила она глухим голосом. – Не к молодцу пришла, а на свободу вырвалась. От тоски, от пристальных взоров нянек, от родительской строгости сбежала.

– Так, значит, не меня, молодца, ты среди яблонь искала?

Милорада ахнула: и правда ведь, его в саду выглядывала. Раскраснелась, хотела подняться да обратно во дворец отправиться.

– Постой, Милорада, – просит Ивар, – не оставляй меня так скоро. Вместе свободой подышим, забудем тягости былого дня.

Оробела княжна, да нет сейчас для неё страшнее места, чем собственные покои, и собеседник ей понравился.

А он берёт её белую руку, целует, хвалит девичью красу. Уж и не хочется Милораде, чтобы солнышко поднималось, сидеть бы век и слушать сердечные речи Ивара, да ночь уж на исходе. И кошка тут как тут, подбежала к Милораде, уцепилась за подол зубами да тянет в сторону городских ворот. Поднялась княжна и молвит:

– Пора мне, прощай, Ивар!

– Постой, скажи: придёшь ли завтра? Ждать буду.

Милорада замешкалась, а кошка подол тянет.

– Не приду больше! Прощай!

– Поцелуй меня, тогда отпущу тебя, – говорит Ивар. Милорада почувствовала, как сердце её дрогнуло, полюбился

ей молодец. Да что поделаешь? Не суждено княжеской дочери выбирать себе жениха, а пойти наперекор судьбе проклятой хочется. Поцеловала она Ивара. А как поцеловала, так и решила: приду завтра, позовёт с собой, оставлю родителей, предам свой долг, уйду с ним, куда попросит.

Кошка рвёт подол шелковой рубахи, торопит. Побежала Милорада к городским воротам, к родному терему, в свою опочивальню. Глядь, а кошки нет, видно, по дороге отстала. А в окошке уже солнышко пламенем над садом пыхает.

Упала Милорада на постель и забылась сном. И грезился ей милый Ивар, его светлые глаза, слышался его ласковый голос, а на губах – его нежный поцелуй.

Снова весь день не ест, не пьёт княжна.Снова родители выспрашивают у нянек, что с дочерью приключилось? Те молчат, только руками разводят.

Настала ночь. По княжескому велению у постели Милорады засели знахари. Няньки на полу в её покоях спят, стражники дверь охраняют. Думает княжна: как ей выбраться к милому? Вот бы кошечке подать знак, что нужна помощь.

– Дышать тяжело, – притворно застонала Милорада. – Откройте окошко, свежий ветерок впустить.

Послушались, открыли. В тот же миг залетела птица, закричала страшно. Поднялся шум: знахари с няньками туда-сюда забегали, ловят незваную гостью, а та уворачивается.

Тут птица облетела круг, коснулась каждого крылышком,

и кто где был, там спать и повалился. Милорада смотрит, не видать птицы, притаилась где-то, только тень по стене ползает. Распахнула та тень крылья, словно обняла кого, да исчезла. И выходит из тёмного угла кошечка, мурчит, в зубах ключик поблескивает.

Княжна и сама испугалась, думает: «Верно говорили старухи: недоброе творится… Да если нужно недоброму случиться, чтобы убежать к милому, так я противиться не стану».

Побежала Милорада к Ивару, а он уж у ворот её караулит:

– Пришла! – обнимает, целует девицу.

– Уведи меня скорее отсюда! – спешит княжна поменять грозный терем на вольную жизнь с милым.

– Первым делом пойдём ко мне в дом, с матерью познакомлю, – произнёс Ивар.

– Утром меня хватятся, начнут в деревне искать. Коли у тебя найдут, не сносить тогда тебе головы, – испугалась Милорада.

– Мы в погребе схоронимся, мать нас спрячет, а там соберём вещи и в путь.

Согласилась княжна. Подошли они к дому: посреди двора изба выставила напоказ серые брёвна. Калитка скрипнула, куры встревожились, заквохтали. Вышла к ним горбатенькая старушка – Леда. Ноги еле ходят, руки тонкие, кожей обтянуты, морщин – не сосчитаешь.

– Матушка, ты прости, что потревожили тебя, – произнёс

Ивар.

Леда увидала Милораду, ахнула:

– Где ж это ты экую красавицу посреди ночи отыскал! Скорее пойдёмте в дом, чего стоять на холоде?

Зашли в избу. Мать, чего съестного было, на стол поставила. Сели. Милорада молчит, робеет, а Ивар рассказывает всё по правде.

– Благословляю вас, дети, – говорит старушка. – На радость мне привёл красну девицу, свою невесту, мою доченьку. Ни приданого не надо, ни горьких причитаний. Оставайся с нами, Милорада. Спрячем тебя от стражи, никто не найдёт, будь покойна.

– Спасибо, матушка, – поклонилась княжна. – Обещаюсь быть тебе послушной дочерью, а Ивару доброй женой.

День переждали, в погребе прятались, а к ночи поиски княжеской дочери прекратились. Решили: в лес пошла да заблудилась. Солнышка надо дожидаться.

Ивар с Милорадой из погреба вышли, стали решать, как дальше быть. Старушка хлопочет вокруг детей, на стол накрывает, не таит радости. Так хороша невеста: и красавица, и нравом кроткая, а как на Ивара смотрит, сразу видно – любит его без памяти!

– Бежать вам надо, – заговорила старушка. – Прямо сейчас отправляться в путь.

– Надо, матушка, да только без тебя не уйдём, – покачал головой Ивар и брови нахмурил.

– Да куда ж мне, старой, по лесам бегивать да от стражников хорониться в кустах и оврагах?! Поймают вас из-за меня, – отмахнулась Леда. – Будьте счастливы, мои дорогие, а обо мне не беспокойтесь. Чай, в деревне народу много, не пропаду.

Вдруг на этих словах ей стало худо, с лавки сползла и на пол повалилась. Ивар испугался, положил мать на пуховое одеяло, Милорада чарку воды подала.

– Вот и решилось всё само, – старушечий голос задрожал.

– Да что же решилось? – спрашивает её Ивар, а сам боится ответа.

– Счастье мне напоследок – увидеть, как в мой дом пришли мир да любовь. Теперь и помереть не жалко.

Заплакал Ивар, не верится ему, что смерть в их дверь постучалась и хочет разлучить его с матерью.

– Дай мне, доченька, руку, – просит старушка, – благословлю тебя. Пусть детишек будет у вас много да здоровеньких, пусть судьба будет к тебе ласкова. А ты за то береги моего сыночка.

– Буду беречь, матушка, буду, – княжна тоже плачет, от жалости сердце люто стонет. А старушка глаза закрыла и померла.

Ивар голову опустил, сам в уме себя спрашивает: отчего беда внезапная приключилась? Погоревал да говорит Милораде:

– Как мать похороним, так в чужие края и отправимся.

Так оно и случилось.

Пришли в другую деревню, свадьбу сыграли, стали жить счастливо, в любви и согласии. Люди поначалу настороженно глядели на новых соседей, да потом, как Ивар своё мастерство столяра проявил, радушно приняли.

Только вот деревня та непростая оказалась, словно проклятая ведьмой.

Как-то раз несёт Милорада обед работникам в поле, смотрит – сидит возле дороги в высокой траве баба, жена кузнеца, и льёт горькие слёзы.

– Здравствуй, Вецена, чем ты так опечалилась да зачем в зарослях таишься? – спрашивает её девица.

– Говоришь со мной, стало быть, не слыхала ещё злых сплетен, – спрятала глаза баба, не хочет рассказывать.

– Да что ж приключилось? – княжна прибила рукой траву к земле, села рядом. Вецена вздохнула тяжело и заговорила:

– Скотина подохла в соседних дворах. Ничем не болели коровы, и вдруг на землю упали, будто скосило.

– И в чём же твоя вина? – удивилась Милорада.

– Говорят, ведьма наколдовала, навела порчу. А уж кого, как не жену кузнеца, винить в колдовстве? Теперь и домой идти страшно, встречать соседок не хочется, опять кричать станут.

Милорада пожалела Вецену. Такая добрая баба, зря люди на неё клевещут. Да что теперь поделаешь? Болтать никому не запретишь.

На другой день проснулись Ивар с Милорадой от шума. Вышли на улицу – через несколько домов собрание. Так кричат, что по всей деревне слышно. Подошли ближе – бабы ругают Вецену, шипят на неё, угрожают.

– Да что же случилось? – вступилась княжна за несчастную: подбежала к ней и спрятала за спиной. Ивар хотел удержать жену да не успел. Поднялся шум пуще прежнего:

– Снова проклятая ведьма навела злых духов на нас!

– Вчера коровы сдохли – сегодня куры нестись отказываются!

– Скажешь, случай? Не может этого быть!

– Верно! Жена кузнеца пакости делает!

– Да зачем же ей пакостить? – чуть не заплакала Милорада, а самой страшно от криков и злых наветов.

Ивар нахмурился, отвёл жену в дом.

– Не лезь, не наше это дело, – произнёс он. – Глупые бабы пошумят да и успокоятся.

Послушалась Милорада, а на сердце всё равно тревожно.

На третий день вовсе страшное приключилось: ребятишки из лесного озера попили водицы да насмерть отравились. А это озеро всегда было чистым, никому вреда не приносило.

Утро наступило, вести быстро разлетелись. Милорада забоялась, что Вецену опять обижать будут, хотела к ней пойти. Вдруг слышит через окошко, как мимо её избы, словно ненароком, бабы ходят да громко говорят:

– Видали, как пришлая за ведьму заступалась? Видно, с ней заодно.

– Знать не знаем, откуда явилась! А как явилась, таки напасти свалились на нас.

– Ночесь у Догды старшенький Войко, у Раски Билун и Волк померли, а у Счесны трое деток заболели, видать, тоже в живых долго не задержатся.

Ивар, как услыхал эти новости, решил: нельзя здесь оставаться, снова надо бежать.

К обеду собрались, взяли второпях, что успели, и в путь отправились. День шли, ночь в лесу ночевали, к утру нашли другую деревню. Обустроились, с соседями подружились, решили, что теперь счастливо заживут. Да не тут-то было! И здесь страсти начали твориться, да пуще прежних! Молоко пропало у всех коров, печи сами собой топиться по ночам стали так, что несколько семейств угорело, хоронили всех от мала до велика. А следом другое горе явилось: сильным ветром смело на полях молодые побеги, градом изломало.

– Это нас проклятие преследует, – заплакала Милорада.

– Отчего же ты так думаешь? – удивился Ивар. – Мало ли где ведьмы зло людям делают.

– Утаила я от тебя, что сбегать из дворца помогала мне волшебная сила. Приходила в мои покои чёрная кошечка, приносила ключик на колечке да отводила на запретные встречи. Верно, мы теперь за услужливость тёмных сил рас-

плачиваемся. Если б не слукавили, не пошли против родительской воли, не смогла бы проклясть нас ведьма-кошечка. Теперь куда путь ни приведёт нас – везде беда следом придёт.

– Не печалься, не делай себя виноватою, – успокаивает Ивар Милораду.

– Нет, как мы сбежали, тогда несчастья градом и посыпались. Надо вернуться к родителям да повиниться! Если получим благословение, отступят тёмные силы.

Ивар не хотел возвращаться в родные края, страшно ему было, что заберут любимую жену. Да видя, как Милорада убивается, не смог отказать ей. На другой день и отправились обратно.

Солнышко за лесом прячется, снова выглядывает, за холмом скрывается. Путь их уже знакомыми дорожками ведёт, впереди виднеется расписной терем.

Подошли к воротам.

– Кто идёт?! – закричала стража с башен.

– Княжна Милорада с мужем, – ответила девица.

Послали с вестью к князю и княгине. Те сами прибежали, велят скорее ворота отворять. Милорада плачет, дрожит, в ноги кидается:

– Простите меня, отец с матушкой! Предала я свой дочерний долг! Нарушила родительские запреты! За неповиновение прокляли меня тёмные силы. Не быть мне счастливой, если не получу от вас прощения.

– Как же нам простить тебя, беспутная?! – темнее ночи стало лицо князя.

Княжна успокаивает мужа, боится за дочь – не даст он ей теперь спуску. Ивар тоже в ноги повалился тестю с тёщей:

– Позволь сказать, великий князь! Не могу я жить без Милорады, люблю её без памяти. Окружу её лаской и заботой, не будет она ни дня горевать, только дай нам своё благословение!

Глаза князя гневно засверкали:

– Это что ж такое на свете делается! Княжна, моя любимая дочь, простому мужику стряпает да дом метёт?! Как у тебя язык поворачивается такое говорить?!

– Молодое сердце буйное, – умоляет мужа княгиня, смягчить хочет. – Не может с любовью совладать, пожалей свою дочь, прости и прими обратно!

Князь посмотрел на Милораду, та в пыли лежит, плачет. Одета в бедный сарафан, ноги босые, рубаха, рукава по локоть, руки солнышку открывают. Видно, работой не гнушалась княжеская дочка. Дрогнуло его сердце.

– Назад ничего не воротишь, – вздохнул князь, – наворотила дел, бессовестная… Так и быть, прощу тебя, пущу в свой дом. Только больше непослушания не потерплю, на корню пресекать буду. Не видать тебе света белого, разве что в окошко. – И приказал страже: – Отвести княжну в её покои и запереть. А этого молодца взашей прогнать, и чтоб я больше о нём не слыхивал!

Так и вернулась Милорада в свою расписную темницу, а Ивар в родную деревню.

Ночью ходит он по яблоневому саду, обливается горькими слезами, вспоминает радостные встречи с милой. Уже скоро солнышку вставать, а Ивар ни на минуту глаз не сомкнул.

Вдруг видит – чёрная кошечка у ног трётся, мурчит. В зубах держит колечко, на колечке ключик. Взял Ивар этот ключик. Подошёл к воротам, а они сами открываются. Огляделся – стражи нет, путь свободен. Прокрался во двор, подошёл ко дворцу, потянул дверь – не заперто. А кошечка вперёд прошмыгнула, он за ней. Привела она его к покоям Милорады да скрылась из виду. У покоев стражники спят, не встречают чужака. Отпирает Ивар дверь, а тут уже и солнышко в окошко заглядывает, будит княжну ото сна.

– Ивар! Ты ли это! Неужто я ещё сплю? – не поверила Милорада своему счастью.

– Я, милая, я, – обнял её Ивар. – Провела меня сюда чёрная кошечка и ключ от замка дала.

Подивились они да и забылись в своём счастье. Утром приходят няньки к княжне, Ивар под кроватью прячется.

– Всё ей как с гуся вода, – сердятся на Милораду старухи, что улыбка у той с лица не сходит. – Беда в доме, а она радуется.

– Что же случилось, нянюшки?

– Сначала лисы княжьих кур истрепали, а каких и с собой утащили. Как никто не услыхал ночью переполоха – загадка,

– молвила одна нянька.

Помрачнела Милорада – снова беда за ними следует.

– Потом хуже дела сделались, – произнесла другая. – Коровы расчудесным образом из хлевов повыходили да наелись где-то волчья лыка. Теперь вот болеют, добрая половина, верно, к ночи издохнет.

Не чувствует себя Милорада, руки не слушаются, воздухом не дышится.

– Плохи дела, да не пришли злоключения на конец. Ночью на окраине деревни пожар: печь сама собой затопилась, угольки повыплёвывала на пол да и зажгла избу. Хозяева выбраться не смогли, так и остались там спать, муж с женой да их двенадцать ребятишек, – всплакнув, сказала третья нянька, а княжна провалилась в беспамятство.

Так весь день и пролежала, только к вечеру очнулась. Нарядили княжну, отвели на трапезу. Отец грозно посмотрел на дочь, мало несчастий сегодня приключилось, так ещё и Милорада страдалицей прикидывается. Видать, разжалобить его хочет, чтобы с беспутным мужем видеться дозволили.

– Милорада, – говорит князь, – тебе бы в ноги нам кланяться да благодарить, что спасли от позора и нищеты. Буеслава, жениха своего, предала, заставила нас нарушить клятву, данную ему. Вести до нас доходят недобрые, что готовит Буеслав своё войско, мстить желает. Вовек тебе прощения у нас не вымолить! А ты смотришь так, словно тебя здесь оби-

жают, голодом морят.

Милорада опустила взгляд, не знает, что ответить.

– Плохо тебе в родном доме? В любви и заботе? – сердится на неё отец.

– Не казни ты её, – не стерпела княгиня, заступилась за любимую дочь. – Сама она казнится, места себе не находит, вот и лицо её печально.

– Нет, матушка, – сдавило горе девичье сердце, не удержалась Милорада, заговорила, – не мне одной каяться надо. Что сделано, то сделано. Сбежала без вашего благословения, вышла замуж. Да теперь пришла с повинной, а благословения так и не получила. Да разве ж я из-за вашей воли теперь безмужняя? Разве не жена я Ивару, раз вы его прогнали? Гневаются боги на нас, требуют освятить наш с Иваром союз вашим согласием. Оттого и несчастья горожан мучают, везде за нами беда следует.

– Это кто же тебя научил с родителями так разговаривать?! Отучу тебя дерзить! – закричал отец, схватил Милораду за волосы да отволок её в терем.

Лежит ночью княжна в объятиях мужа, беды новой боится. Поплакала, утомилась и уснула. А к Ивару сон не идёт. Глядит молодец в темноту, сам не знает, чего выглядывает. И мерещится ему всякое: тени то по стене змеями ползают, то по полу зайцем прыгают, а то взлетят птицей к сводам да повиснут так на время. Из окошка слюдяного света мало, не разглядишь, что в покоях делается. Поднялся Ивар, зажёг

свечу. Подошёл к углу, где тени с его взором шутили. «Нет ничего. Привиделось», – думает.

Вдруг за спиной шорох. Повернулся и застыл на месте от страха. Глядит – мирно спит Милорада, а из груди у неё подымается чёрный дым, в воздухе разлетается. Это тёмная душа от светлой отделяется, ведьмина душа от человеческой. А дым собрался в облако да обернулся девицей. Посмотрела ведьма с минуту на Ивара и снова дымом развеялась да под дверью наружу просочилась.

До утра не мог заснуть Ивар, на любимую жену смотрел, о судьбе жестокой горевал. А как солнышко дало намёк, что пора подыматься, так влетел чёрный дым в покои и в грудь Милораде нырнул. Девица только тяжело вздохнула да перевернулась на бок.

Тут уж и няньки пришли, разбудили княжну, а Ивар опять спрятался.

Снова ворчат старухи меж собой, да теперь в самом деле тревожатся, страх в глазах поблёскивает.

– Что ночью приключилось? Отвечайте! – требует княжна.

– Свиней кто-то выпустил, так они за ночь пол-урожая истоптали да изжевали, – проскрипела одна старуха.

– Хотели кораблики снарядить да в путь торговать отправить, – говорит другая, – а суда кто-то продырявил, вот и потонули кораблики вместе с товарами. Со всех сторон напасти!

– Доложили ещё, что какая-то неведомая хворь напала на людей, по одному больному в каждом дому. Лежат, подняться не могут, ни пить, ни есть не просят. А как в забытье провалятся, кричат, словно злые духи их терзают.

Милорада выслушала, сама отправилась к отцу с поклоном. Няньки – за ней, отговорить пытаются. Не послушала их княжна, пошла к гриднице, а там князь с дружиной совет ведёт, решают, что делать с бедами. Суровы их лица – лучше б не приставать Милораде к отцу, да он сам её увидел, позвал.

Княжна повалилась в ноги, со слезами умоляет выслушать:

– Уступи, отец, благослови нас с Иваром!

Дружинники притихли, посмотрели на княжну, головами покачали, ожидают, чем дело кончится. Князь-то это приметил, решил построже дочь наказать. А у самого сердце сжимается – всё-таки среди братьев одна она дочка.

– Вот что я тебе скажу: не женой тебе быть, не детей растить, а сидеть век со старухами на капище! Долго терпел я твоё непослушание, да более не стану!

Отошёл от дочери, отвернулся. Милорада отчаянно плачет:

– Не дашь благословения – не кончатся несчастья! Пожалей невинный люд!

– Не будет тебе благословения! Только не с этим проходимцем, обманщиком, ведьминым сыном! – закричал князь,

позабыв про дружину. А те переглядываются: как так? У князя в родне двоедушники завелись!

– С ведьминым сыном? – ахнула девица.

– Проклятая Леда долго пакостила соседям. Донесли на колдунью, я призвал её к порядку! Приказал схватить да выпороть прилюдно на торговой площади! Вот она зло и затаила, видно, не впрок пошла ей наука! Обозлилась, что я Ивара прогнал, да начала мстить.

Милорада не поверила словам отца, а сомнение всё же тронуло сердце.

– Отец, Леда уж несколько месяцев как померла…

– Так, значит, сын перенял силу матери и продолжает её злое дело!

Сказал да сразу пожалел. Дружинники косо посмотрели на князя и его дочь. Молчат, а по глазам видно – обвиняют Милораду, что колдуна в город привела, а князя, что безволен перед дочерью, попустил такому случиться.

Девица, как услыхала слова отца, так ноги у неё и ослабели, и повалилась она на пол. Отнесли княжну обратно в покои. Милорада в себя пришла, всех выгнала, Ивару приказала из-под кровати вылезти да на вопросы отвечать:

– Говори, ведьмой была твоя мать? А сам ты, случаем, не колдун?

Ивар слов найти не может, как сказать любимой жене, что не он, не мать его виновны, а сама княжна и есть двоедушница?

– Не молчи! Отвечай! – схватила Милорада его за руки, прямо в глаза посмотрела. Ивар в ответ глядит, не отводит взгляд и в зеницах жены видит свой перевёрнутый образ.

– Я мальчишкой был, когда на маму злые языки наговаривали. Знаю, что твой отец несправедливо с ней обошёлся, да не стал бы я вредить невинным людям.

– Наказать она моего отца хотела, – продолжала Милорада, не слушая мужа. Оттолкнула его, повалилась на кровать и заплакала. – Оборачивалась Леда кошкой, водила меня к тебе на свидания! Так и свела нас вместе. Вот потеха – княжна за колдуном замужем!

– Кто ж тогда меня привёл к тебе в покои?

Княжна перестала плакать, приподнялась на кровати и посмотрела на Ивара:

– Уж не ты ли сам обернулся чёрным котом, дымом, да волшебством пробрался во дворец? Вот и вчера ночью, как я заснула, прошмыгнул мимо стражи да натворил бед в деревне.

Помрачнел Ивар, заговорил тихо:

– А если и правда я неволею колдуном стал, так что сделаешь? Любить перестанешь, отречёшься, прогонишь прочь?

Милорада слёзы вытерла, вздохнула:

– Нет. Не прогоню. И отречься не отрекусь. И любить тебя буду, пока живу на этом свете.

Ивар сел рядом с женой, голову на грудь ей склонил – княжна обняла мужа. Так они посидели, ещё поплакали да

спать легли.

Утром няньки с вестями, как обычно:

– Деточка, поднимайся, радость тебе, – говорит одна, тазик придерживает, умываться просит княжну. – Уйдут беды прочь, найдут теперь колдуна.

– Как же найдут? – замерла Милорада.

– Ты вчера как ушла из гридницы, дружина к князю подступила. Требуют медведя привести да спросить его, где колдун живёт?

– Медведя? – разволновалась, вскочила Милорада, чуть тазик серебряный из рук старухи не вытолкнула. Душистая водица расплескалась, облила ноги княжне, а той и дела нет.

– Холодно, милая, – хотела нянька ноги Милораде рушником вытереть да ненароком под кровать заглянула. – Ой! Ой! – закричала, сама тазик уронила. – Есть там кто-то! Под кроватью спрятался!

Милорада ахнула, не зная, что делать.

– Привиделось тебе, нет там никого! – молвила строго.

– Есть, есть, княжна! Своими глазами видела!

Остальные старухи забились в угол, боятся проверять: неизвестно, что там за чудище поселилось.

– Да разве твои глаза зорко видят? Сослепу, говорю, тебе показалось, – и сама заглядывает под кровать. Ивар там притаился, тихо лежит. – Нет никого.

– Как нет?!

– А вот так! Пошли вон, глупые! Вон! Не желаю слышать

ваших сказок!

Няньки ушли, а сами между собой разговаривают: что это с их подопечной делается? Уж не заколдовали ли бедную деточку?

Стражники эти речи услыхали, тоже забеспокоились. А там слухи и до дружины дошли. Не стали они князю докладывать, решили подождать: медведя приведут, он правду и явит.

Ивар Милораду обнял и говорит:

– Нет нам счастья на этом свете, одни печали.

– Нет и не будет, видно. Так я и тому, что было, рада.

Вдруг услышали они, как шум поднялся возле дворца. Потихонечку в окошко выглянули, а там на площади народ собрался. У дверей княжьих хором медведь рычит, яму копает.

– Выведал, где колдун прячется! – кричат люди. – Пустите его во дворец, пускай укажет на двоедушника!

Дружинники дверь отворили и медведя внутрь пропустили. Тот ворвался в палаты, поднялся по сеням к терему. Князь, как узнал, что во дворце творится, прибежал к покоям дочери, преградил путь, прогнал всех.

Вот тут дружина взбунтовалась. Хотели ворваться в покои княжны, воротить медведя, да прибежали стражи с башен, донесли, что войско Буеслава к городу со всех сторон подступило.

Бросились на улицу, князь на башню поднялся.

– Бесчестный обманщик ты, князь! Думал, спущу обиду?!

Выдай мне Милораду, я накажу её по справедливости. А если не отдашь дочь, тогда измором возьму город, а тебя с твоей дружиной казню!

– Не моя это вина, – ответил князь. – Никогда я данного слова не нарушал! Это ведьма наслала заклятье на Милораду, из дворца выманила да приворожила к Ивару.

– Как же, ведьма! Не отпирайся! Подавай сюда Милораду, получит заслуженное.

– Не отдам тебе единственную дочь.

– Ну так я сам заберу. Только знай, если она ко мне по доброй воле не выйдет, никого не пощажу в твоём городе.

В толпе от одного к другому полетела новость. Возмущается народ, пеняет князю, что из-за его беспутной дочери грозит всем жестокая расправа. Князь никого не слушает, на своём стоит.

День пересидели, ночь переждали. Наутро видит народ – снова ведьма пакостила. Тут уж терпенье кончилось. Горожане перед дворцом собрались, а с ними в ряд и дружина встала. Требуют они, чтобы медведя вернули и в покои княжны пустили. Если окажется, что она ведьма – выгнать её за городские ворота, и делу конец.

А тут ещё одна нянька Милорады возьми и скажи при людях:

– Я-то день назад видала под кроватью у княжны чудище звероподобное, весьма безобразное! Оно там сидит да глядит нечеловечьими глазами, а княжна-то к нему никого не

пускает.

Тут и другая старуха заголосила:

– Правда это чистая! Мы хотели посмотреть на чудище, да княжна прочь нас прогнала! Видать, это пособник её, лютый зверь, днём там таится, а ночью на волю выходит.

Князь попросил дружину успокоить людей, а те не слушаются.

Опять привели медведя во дворец, он в покои княжны зацарапался. Пустили его стражники. Зашёл внутрь, а там Ивар с Милорадой.

– Вот он, злодей! – закричал кто-то.

– Вяжи колдуна проклятого!

– Крепче верёвку затягивай!

Схватили Ивара, а медведь-то не к нему кидается, а к Милораде. Девица по сторонам озирается, кругом переполох, а ей ни словечка не слышится. На Ивара с мольбой посмотрела и говорит:

– Я это? Я колдунья? Верно? Твоя мать за руку меня взяла, благословить хотела, а сама передала силу тёмную.

Ивар молчит, да по глазам ясно всё. Подошла к нему Милорада, обняла мужа и шепчет:

– Как же я сама не приметила, что колдовская сила во мне затаилась? Значит, злой дух, не спросясь, ночью уходил и беды на людей насылал?

Тут разлучили Ивара с Милорадой, связали, во двор вывели. Старший дружинник приказал и князя с княгиней схва-

тить, а потом открыть городские ворота да выдать всю семью вместе с Иваром неприятелю.

Сквозь толпу, в окружении стражи, идут горемычные встречать свою жестокую судьбу. Со всех сторон злые взгляды сверкают да проклятия слышатся.

Старший дружинник на башню поднялся и завёл речь с Буеславом:

– Отдадим тебе всех четверых виновников, а ты взамен поклянись оставить наш город и увести своё войско восвояси.

– Хорошо, – ответил Буеслав.

Открыли ворота, вытолкали княжье семейство за город. Оглянулась Милорада – вот и яблоневый сад, над ним солнышко спелым яблочком по небу катится, того и гляди на землю упадёт. Здесь встречалась она с милым, здесь любовь их началась, здесь всё и кончится. Улыбнулась девица – хоть короткое время перед смертью счастье вспомнить.

Топот землю взрывает, траву молоденькую мнёт – скачут всадники к пленникам, во главе дружины Буеслав на белом коне.

– Ты ли соперник мой? – подъехал он вплотную к Ивару.

– Не соперники мы, я ей законный муж, а ты – похититель и разбойник! – смело ответил Ивар, не испугался острого меча в руках Буслаева. Тот оскалился, на дыбы коня поднял, чуть не затоптал пленников.

– Сейчас бы наказал тебя, да другое задумано. Темнеет, в

ночи с городских стен не видать, как меч рубит обманщиков, как на пиках красуются мёртвые головы. Наутро Ивар первый на тот свет отправишься. Потом князя с княгиней казню за обман и предательство, а напоследок Милораду оставлю. Пусть полюбуется, что натворила! И осаду не сниму. Пока каждого, кто ходил у тебя, князь, в подчинении, не истреблю – не успокоюсь! Пусть по всей земле слух несётся, как я врагов проучаю.

Приказал Буеслав вести пленников в шатёр, костры жечь и ради потехи свадебный пир ему с Милорадой готовить.

Вот наелись, напились, нагулялись дружинники, захотели глумиться над княжьей семьёй. Буеслав требует к себе Милораду.

Привели, рядом посадили, он её обнимает и, смеясь, спрашивает:

– Что, нравится тебе свадебный пир? Не нравится – так скажи, сейчас разгоню всех, одни с тобой останемся, приласкаешь своего жениха.

– Не дождёшься от меня и слова ласкового! Прокляну тебя со всем войском!

– Тоже мне чародейка нашлась! – ухмыльнулся Буеслав.

Дружинники захохотали, на девицу хищно поглядывают. Схватил Буеслав княжну, поднял на руки и целует. Чувствует девица, как веки тяготеют да в сон клонит. Вдруг, как по волшебству, заснула. И вылетел из её груди тёмный дым, окутал со всех сторон, вырвал из рук злодея. Упала княж-

на. Цепко в землю врастают руки-ноги, лапами звериными оборачиваются, шерстью тело заволакивает. И делается оно в сажень высокое да в две сажени длиною. Вскинула Милорада львиную голову, выпустила железные когти и бросилась на противников.

Буеслав с дружиной отбиваются, только всё напрасно. Бьёт львица лапами – за один удар десять молодцев падает. Раскроет пасть – поглотит два десятка воинов, на зубах их кольчуга похрустывает. Хмельные лучники похватали оружия, целый рой стрел выпустили. Только как подлетают они к львице, так назад разворачиваются и разят своих начальников. Мечи сквозь плоть звериную насквозь проходят, словно туман режут, львице вреда не делают.

К утру вся поляна перед городом мертвецами усеяна, в живых остался один Буеслав.

Солнышко выглянуло – тёмная душа и нырнула обратно в грудь Милораде, проснулась княжна. Городские всю ночь наблюдали за жестоким побоищем. Как закончилось всё, вышли наружу, освободили родителей и мужа Милорады, схватили Буеслава. Кланяются княжне в ноги, прощение вымаливают, страшатся её великой силы.

– Подведите сюда Буеслава, – грозно промолвила Милорада. Огнём горят глаза её, платье кровью насквозь пропитано, на губах хищная улыбка играет. – Подайте мне его меч.

Стражники испугались и поспешили исполнить ведьмино повеление.

– Хотел ты моих родителей, мужа моего любимого да меня саму смерти предать, – громко произнесла Милорада, чтобы все слышали. – Выдали тебе нас, а ты отступать и тогда не захотел, обещался всех в городе перебить. Верно?

Буеслав молчит. Повалили его на землю, на колени поставили перед княжной. Она схватила его за бороду, в глаза глядеть велит и отвечать.

– Верно… – шепчет он.

– Не стесняйся, свободно говори, – не отстаёт Милорада.

– Верно, что хотел твою семью убить, головы их на пики насадить в научение другим, а город измором взять и жителей перебить, – заплакал Буеслав, не нахальничает больше. – Пожалей, княжна, знаю я, что у тебя доброе сердце. Возьми в полон меня, а там выкуп большой получишь…

Не дала договорить ему Милорада, по лицу ударила. Потом успокоилась, улыбнулась ласково: – Подымайся да давай мне свою руку.

Буеслав протянул княжне руку, она крепко её сжала, так что косточки захрустели, да и передала свою колдовскую силу. Не замешкалась Милорада, занесла меч да и отсекла Буеславу голову.

– Нет теперь на мне проклятья! – кинулась она к Ивару в объятья. Он себя от счастья не помнит, прижимает её к сердцу, а она продолжает: – Не хочу оставаться в этом городе, народ своего князя предал, меня на смерть отдал.

– Уйдём мы в далёкие края, – согласился с ней Ивар, – и

никогда сюда не воротимся.

Так и сделали.

Живут теперь Ивар с Милорадой в далёких краях, горя не знают. Детишек у них родилось восемь мальчишек, а девятая – дочка.

Автор: Марго Нега

Искушение состраданием

В большом храме звучали молитвы на древнем языке. Сильный голос священника эхом отражался от расписанных фресками стен. Ему вторили другие голоса, низкие и высокие, распевным многоголосием тянущие длинные слоги. Юня не знала их слов, но привыкшая чувствовать музыку душа понимала всё и так.

Юня осторожно прислонила трость к позолоченной колонне и подняла голову к куполу. От сверкающей люстры разбегались длинные отсветы, похожие на множество радуг с летающими вокруг частицами. Она не могла видеть их источника, но ей рассказывали, что к люстре подвешено множество прозрачных многогранных камней. Их отсветы мелькали на стенах с фресками, на колоннах и прихожанах, смиренно склонивших головы. Юня вытянула руку, но отсвет ускользнул от неё. Они не стояли на месте, ведь благодать Саола должна коснуться каждого. Она устремила взгляд в потолок, откуда из-за нарисованных облаков смотрели ангелы. «Господи, пожалуйста, если можно, покажи мне блик от твоих камней. Я верю, что ты и моей души касался тоже, но… пожалуйста. Я очень хочу его посмотреть».

Для верности Юня привстала на цыпочки. Протянутая ладонь окрасилась разноцветным светом из витражного окна, по ней пробежал яркий блик. Юня неосознанно поднесла ру-

ку ближе к глазам, и он последовал за ней. Голоса хора зазвучали громче, мощнее. Юня тронула блик пальцем. Тепло. Он сверкнул и, перебежав по рукам к груди, замер над спрятанном под платьем солнышком на гайтанчике. Юня приложила к нему ладони и закрыла глаза. «Спасибо, Господи! Благодарю тебя, что ты показал поближе своё чудо», – прошептала она. Тихий голос затерялся в монашеском пении. Сердце замерло. Юня ощутила на плечах что-то тёплое, невесомое. Она осторожно приоткрыла правый глаз. Плечо усыпали маленькие радуги. Звонко ударилась о пол упавшая трость, но Юня, погружённая в молитву, даже не заметила этого.

Священник провозгласил последнее «Аминь». Начертив на лбу завиток, символ Солнца, Юня взяла трость и нехотя пошла к выходу. Но остановилась. Её внимание привлекло яркое пятно на тёмном фоне. Из темноты одной из фресок на неё смотрело несколько лиц. Справа, среди солнечных лучей и облаков, стоял мужчина в золотых одеждах и со взглядом суровым и решительным. В руке он сжимал меч, направленный вперёд. Вокруг мужчины летали юноши в белых одеяниях, подобно небесному воинству защищающие Небесную Обитель. Фигуру слева было трудно рассмотреть из-за тёмных красок. Юня подошла ближе и чуть не упёрлась очками в стену. Среди клубящегося от языков кровавого пламени чёрного дыма, на остроконечном троне восседала женщина, лица которой невозможно было разглядеть за сгустившейся тьмой на самой фреске. Трон окружили лица юнош, иска-

жённые в неестественных гримасах, и только одного из них всё же можно было рассмотреть. Он сидел у самых ног владычицы, обняв их и обратив к ней худое измождённое лицо. Его длинные волосы разметались по обнажённым плечам, едва скрывая выпирающие от худобы ключицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.